

А ПОТОМ Я
ПРОСНУСЬ

Алайна Салах

Алайна Салах

А потом я проснусь

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68315707

Аннотация

С самого детства мне снится один и тот же сон: многоэтажка, незнакомая улица и девушка. Она смеется, говорит со мной, тянет руку, но всякий раз я просыпаюсь еще до того, как успеваю ее коснуться. Ангел, так я ее про себя называл. В двадцать девять лет я выяснил, что эта улица и многоэтажка действительно существуют. Этот факт меня поразил. Оставалась девушка. Я даже подумал: вдруг она тоже реальна, и нам суждено быть вместе? Но когда мы наконец повстречались, моей первой мыслью было ее придушить.

Содержание

1	4
2	9
3	13
4	17
5	22
6	26
7	30
8	35
9	42
10	46
11	51
12	57
13	62
14	66
15	71
16	75
17	81
18	88
19	93
20	98
21	102
Конец ознакомительного фрагмента.	105

Алайна Салах

А потом я проснусь

1

– Иди ко мне, не бойся, – Ангел заливчато смеется и тянет ко мне пальцы. Они у нее длинные и тонкие, а ногти блестящие, нежно-розовые. – Хочу, чтобы ты меня обнял. А ты этого хочешь?

Я киваю, потому что прикоснуться к ней хочу больше всего на свете. Это желание сильнее жажды. Кажется, стоит ему осуществиться – я познаю пик наслаждения. Наслаждение, которое в разы сильнее оргазма. Прикосновение к ней – апогей всего, чего только может желать человек, в нем – спасение. По крайней мере, именно так все ощущается в этом гробаном надоевшем мне сне.

Пронзительный вой будильника выдирает меня из омута теплых ореховых глаз и возвращает в реальность. Реальность в моем случае – это неудобная полуторная кровать с жестким матрасом, пригодным разве что для тюремных нар. К черту. Сегодня же закажу себе новый. Будет подарком арендодателю.

Скинув одеяло, я открываю жалюзи и топаю в душ. Ледяной плиточный пол жалит ступни, вытряхивая из меня остат-

ки сна, а холодная вода, льющаяся в течение целых десяти секунд до того, как нагреться, заставляет ежиться и глухо шипеть. Увидел бы меня сейчас кто-то из питерских приятелей – долго бы смеялся. Мол, ты чего, друг? Участвуешь в проекте «Барышня-крестьянка»? А чем еще объяснить, что сын Волынского добровольно променял двухуровневые апартаменты в центре Питера на тесную съемную квартиру в окраинах Иркутска?

Если бы я ответил честно, не поверили бы. Что в двадцать девять лет кто-то может такой ерундой заниматься. Всему виной этот дурацкий сон, который не дает мне покоя с самого детства. Незнакомая улица, серая многоэтажка под номером двадцать девять и она, зовущая себя коснуться.

Я жил как все: работал, встречался с друзьями, путешествовал по странам, тусил по выходным, пока в новостях по случайности не увидел знакомую многоэтажку точь-в-точь как из моего сна. И даже номер дома совпал. После этого я два дня себе места не находил. Сам я отношу себя к тем, кого принято называть агностиками: наличие сверхъестественного не отрицаю и не подтверждаю, хотя больше всегда склонялся к тому, что все это чушь. Но тогда откуда я мог знать о существовании этого дома? В Иркутске я ни разу не был, да и экстрасенсорных способностей у себя не замечал.

Короче, после недолгих терзаний собрал сумку и притащился сюда. Снял единственную квартиру, которая сдавалась в нужном мне доме. Для чего? Понятия не имею. На-

верное, чтобы навсегда закрыть гештальт со сном. Проторчать здесь пару недель, убедиться, что все это чистое совпадение и никакого Ангела я не встречу, а потом со спокойной совестью вернуться домой.

Так, ну и чем мне сегодня заняться? Видимо, снова придется идти в спортзал. За неимением друзей и не слишком большом разнообразии мест для досуга, остается только тренироваться и ходить в кино.

Закидав вещи с сумку, я вызываю такси до ближайшей кофейни, завтракаю и еду в фитнес-клуб. Во всем нужно искать положительные стороны: в Питер я, по-крайней мере, вернусь гораздо здоровее, чем сюда приехал. За время, проведенное здесь, я только и делаю, что хожу пешком и тренируюсь. И утро субботы наконец перестало ассоциироваться со сном до обеда и головной болью, так как выпить все равно не с кем.

– Привет, Алан! – широко улыбается мне Линда, эффектно расхаживающая по беговой дорожке. – Как прошла пятница?

– Дома с книгой, – отвечаю я, намеренно выбирая тренажер на приличном расстоянии от нее.

Линда бывает здесь почти каждый день, но едва ли из любви к спорту. Короткий топ, открывающий живот, макияж ранним утром и распущенные волосы сигнализируют о том, что передо мной охотница. Я таких в Питере много повидал. У отпрыска президента крупнейшего банка страны

не имеется проблем с женским вниманием, как можно догадаться.

– А я с девчонками в «Авеню» ходила. Был там? Хорошее место.

– Не был, – лаконично отвечаю я, вставляя наушники.

Басы энергичного рока наполняют кровь адреналином. Прибавив скорость до максимума, я начинаю бежать. Почему-то в моменты повышенной физической нагрузки мой мозг функционирует как часы и сейчас дает твердое указание: хватит. Еще пара дней и возвращаемся домой. Я же работаю в АйТи-сфере, в конце концов. Мне положено верить в силу современных технологий, а не идти на поводу у так называемых «вещих снов».

Отмотав полтора часа кардио и отсидев в сауне, я выхожу на парковку, где меня ждет такси. Сразу у входа оно не находится, поэтому приходится оглядывать периметр. С каждой новой секундой я чувствую поднимающееся раздражение. Машины нигде нет. Неужели так сложно подъехать к указанной в приложении точке? А внутренний голос успокаивающе нашептывает: ничего, Алан, еще чуть-чуть и вернешься домой. Четырехлитровый малыш Яго успел по тебе соскучиться.

В фокус попадает фигура в ярком, активно машущая мне рукой. Я беззвучно вздыхаю. Из небольшого красного кабриолета выглядывает Линда.

– Эй, ты что, тачку свою потерял?

Отрицательно мотнув головой, я разворачиваюсь к стеклянным дверям фитнес-клуба. Черт знает, где этот таксист потерялся. Вызову другого.

– Эй, дурик! – вдруг раздаётся злое шипение. – Баулом своим маши аккуратнее. Не на вокзале.

Взгляд упирается в темноволосую девушку, которая, морщась, трет плечо. Видимо, задел ее сумкой.

– Извини, я случайно, – сухо произношу я. Сухо, потому что терпеть не могу хамство и потому что едва ли смог нанести ей смертельную травму.

– Случайно он, – передразнивает она и поднимает на меня глаза.

Если бы в этот момент с неба ко мне спустился трехголовый дракон и заговорил на языке суахили – такого эффекта бы не было. Застыв, я ошарашено разглядываю ее лицо: смуглую кожу, тонкий белесый шрам на переносице и яркий, похожий на бутон рот, из которого только что вылетело плебейское «Дурик».

– Чего уставился? – фыркает девушка, зло щуря на меня свои ореховые глаза.

Я продолжаю молчать, потому что никак не могу поверить. За свою жизнь я видел ее минимум раз сто, чтобы ошибиться. Это точно она. Ангел из снов, которая вечно упрашивает меня обниматься.

2

– Извини, – повторяю я, тщетно пытаюсь собрать в кучу разбегающиеся мысли. А их очень много. Например: Да, ладно... Быть такого не может. Ну черт с ним многоэтажка, но она... Галлюцинации? Сон?

И еще: девчонка довольно высокая, а вот голос не такой звенящий и тонкий, как в моем сне.

– Блин, да тут, похоже, диагноз, – раздается тихое бормотание. И уже громче: – Извини, короче.

– Какой диагноз? – с заминкой переспрашиваю я, цепляясь за раздражитель, с помощью которого смогу вернуться в реальность. Я действительно опешил. Даже сильнее, чем тогда, когда увидел в новостях знакомую многоэтажку.

– Ну ты кажись приторможенный маленько, нет? – с подозрением шурится девушка.

Ноги стремительно обретают под собой почву, и тело перестает ощущаться инородным. Я окончательно прихожу к себе. Так действует это оскорбительное предположение и манера речи, в которую оно облечено. Маленько приторможенный? Я? Получивший степень магистра делового администрирования?

– Если ты про умственные отклонения, то у меня их нет, – комментирую я, стараясь не звучать как обиженный подросток.

– Ну тогда забираю извиняшки обратно, – моментально леденеет Не-Ангел. – Просто у тебя выражение лица такое стало... Как будто сейчас на землю шваркнешься и пена изо рта польется. Я капец как боюсь всякого такого.

С каждым новым вылетевшим из нее словом я чувствую... Раздражение и нечто отдаленно напоминающее разочарование. Не то чтобы я чего-то ждал от этой встречи... Вернее, я ее совсем не ждал, но... Эта девушка снилась мне сколько я себя помню. В каком-то смысле она была для меня мечтой, эталоном женственности, чем-то непостижимым... С ее образом я в конце концов испытал свою первую эрекцию. А при встрече из ее рта льется настоящая слэнговая помойка. Короче, полный диссонанс. Ну и кому приятно будет, если из-за растерянного выражения лица на тебя сходу навесят ярлык «имбецил».

– Удивительно, сколько всего неприятного можно услышать из-за случайного столкновения, – холодно цежу я.

Сон не сон, но безмолвно выслушивать дерьмо в свой адрес от юной хабалки я не обязан. И, кстати, сколько ей? Лет двадцать на вид. Почему-то во сне она казалась мне немного старше.

– Да меня бесят просто такие лбы неповоротливые. Ты случайно котомкой махнул, а у меня потом синяк в полруки будет. Про майки в такую жару придется забыть.

– Я будто тебя не сумкой задел, а на машине врезался, – иронично замечаю я.

– У меня кожа такая, ясно? – буркает девчонка, растирая плечо. – Чувствительная. Чуть что – сразу синяки вылезают.

Мое раздражение слегка притухает оттого, какой расстроенной она выглядит в этот момент. Будто всерьез переживает из-за внешнего вида, а не ищет повод сдeditь свой яд. Взгляд невольно цепляется за ее пальцы – тонкие, покрытые бесцветным лаком, за выраженную ямочку над губой, и в голове всплывает неожиданное определение «трогательная». Кроме ужасной манеры общения, в ней нет ничего отталкивающего или дешевого. С одеждой порядок: темные облегающие джинсы, белая футболка, рюкзак. Волосы ухоженные, блестящие, на теле никаких татух или безвкусной бижутерии. Может быть, ей просто с детством не повезло.

– Тебе стоит провериться у терапевта, – говорю я в качестве примирения. – Гематомы, как правило, указывают на проблемы с сосудами.

– Вот уж тебя забыла спросить, – моментально огрызается Не-Ангел, бросает на меня презрительный взгляд и, развернувшись, уходит.

Меня снова двоит: с одной стороны, хочется помахать ей вслед средним пальцем, присовокупив что-то вроде «скатертью дорога», а с другой – перехватить ее за руку, чтобы остановить. Потому что черт знает, встречу ли я когда-нибудь ее снова. Она все-таки годами мне покоя не давала, а я даже ее имя не узнал. Зачем мне ее имя – я пока не решил. На эталон женственности и предназначенную вторую половину

эта грубиянка точно не тянет. Я даже не знал, что где-то еще принято так общаться... В смысле, что принято хамить по рядовому поводу, очевидно, оправдывая это гендерной разницей. А еще очень отвлекает ее задница... Подтянутая и круглая. Во сне с этого ракурса я ее ни разу не видел.

– Представься, что ли? – выкрикиваю я с заминкой, наступив на горло чувству собственного достоинства. – Чтобы в случае чего знать, кому прислать йод и бинты.

В ответ Не-Ангел, не оборачиваясь, вытягивает над головой средние пальцы. Из-за острой вспышки гнева начинает шуметь в ушах. Нет, ну вот что за сука? Она в принципе не способна к нормальному человеческому общению?

– Сам что-нибудь придумай, – язвительно летит следом. – И хорош пялиться на мою задницу.

Ярослава

Вдавив палец в кнопку звонка, я разглядываю носы своих армейских ботинок. Говнодавы, называет их баба Лида. Была бы так же остра на слух, как на язык, не пришлось бы мне по полчаса торчать под дверью.

– Кто там? – раздается наконец по ту сторону знакомый скрипучий голос.

– Да я уж, бабуль, – выкрикиваю я так, чтобы наверняка было слышно. – Яся. Открывай.

Замок несколько раз проворачивается, и в приоткрывшийся зазор моментально вылетает Тотошка. С размаху тыкается складчатой мордой мне в колени и, вытаращив глаза-пуговицы, начинает визгливо ругаться. *Опять меня одного с ней оставила? На целых полдня! Как ты могла? Где была? Что ела? Вкусного чего-нибудь принесла?*

– Ой ты ж, блядский истерун, – ворчит бабушка и, отвернувшись, медленно шаркает вглубь квартиры. – Жрать, наверное, опять хочет. Одни только мысли у него: пожрать и поспать.

– Так а что ему делать? Полы пылесосить? – язвлю я, разуваясь. – Мопсы созданы для любви.

Чмокнув Тотошку в мокрый нос, я прохожу на кухню и

первым делом открываю форточку. Несмотря на августовские плюс тридцать, баба Лида предпочитает держать окна закрытыми, из-за чего мы постоянно ругаемся. Я ненавижу спертый воздух, который в сочетании с ее старческим запахом, делает мое пребывание дома порой невыносимым.

– Ела что-нибудь? – выкрикиваю я, оценивающе оглядывая содержимое холодильника.

– Да ела, ела, – ворчливо долетает под растущую телевизионную громкость.

– А по-моему, ты ничего не ела! Суп как стоял нетронутым, так и стоит.

– Ты мертвого заебешь, ей-богу. Лучше жука своего пердящего покорми. Опять волос насыпал, не продохнешь.

– Не продохнешь ты, потому что окна закрытыми держишь, – парирую я, подмигивая крутящемуся возле ног Тотошке. – И кстати, готовься. Через час пойдем гулять. А то у тебя скоро пролежни появятся.

– Господи помилуй, – раздраженно кряхтит бабушка. – Ты дашь мне нормально сдохнуть или нет? Сорок лет до завода пешком таскалась, думала, хоть перед смертью как следует отлежусь. Хер мне. Опять тащит гулять.

Давясь смехом от ее причитаний, я вытаскиваю из микроволновки разогретую тарелку с супом и иду с ней зал.

– Не дам я тебе нормально сдохнуть, и не мечтай, – говорю с фальшивой строгостью, опуская ее на журнальный столик. – Ешь давай. Сейчас хлеб принесу.

– Дура ты какая-то, ей-богу, – фыркает баба Лида, поправляя узловатыми пальцами старую вязаную кофту. – Тебе на кой такая старая кляча, как я? Скорее сдохну – скорее тебе квартира достанется. Сможешь хоть зимой все окна нараспашку держать и парней по ночам таскать.

– Ешь уже! – рявкаю я. Терпеть не могу эти ее разговоры о скорой смерти. Баба Лида – самый близкий мне человек. Даже думать не хочу, чтобы когда-нибудь ее не станет.

– А чего это ты торопишь так меня? – ехидничает она, берясь за ложку. В выцветших глазах вспыхивает почти детское веселье: – Мышьяку, что ли, в суп бухнула?

И зачерпнув суп, хихикает над своей шуткой, старая ко-
рова.

– Неудивительно, что дед Казим от тебя ушел, – саркастично замечаю я, ища глазами пульт от телевизора. – Нормальный человек тебя не вынесет.

– Да и шел бы он на хер, твой дед, – хмыкает бабушка. – Пользы от него как от козла молока. Только слышно было: дай да дай. То в трусы дай залезть, то на бутылку.

– Ничего знать не хочу о твоих трусах, – брезгливо морщусь я, переключая новостной канал, который она смотрит сутками, на какой-то сериал. – Я пойду к себе, отдохну немного после тренировки. Кричи, если что-то нужно.

– Опять, небось, собралась куда-нибудь на ночь глядя? – моментально реагирует баба Лида.

– С Ингой вечером танцевать пойдем.

– Опять жопами, значит, крутить? Эта-то понятно, чего шастает – на рожу страшная, как вся моя жизнь, а замуж выходить как-то нужно. А ты чего с ней? Ухажеров тебе разве мало? Внешностью-то ты в мать пошла. Та хоть и блядина последняя была, но на морду еще какая симпатичная.

– Я иду танцевать, потому что люблю танцевать, – терпеливо поясняю я, привыкшая к бабушкиным выпадам в адрес матери. – Я вот, кстати, думаю: может правда перестать тебя кормить? А то ты, когда ешь, еще больше разговариваешь.

– Жука этого хрюкающего с собой заberi, – ворчливо несетя мне в спину. – Лучше б свинью завела – проку и то было бы больше. Шерсти столько по полу не валялось, и сала бы к зиме наделали.

4

– Что-то народа совсем нет, – разочарованно тянет Инга, крутя головой по сторонам. – Выходной вроде. Где-то туса поинтереснее, что ли, есть?

– Да и слава богу, что не битком, – парирую я, всасывая сладковатое алкогольное пойло через трубочку. Местный бармен – старый знакомый, который при встрече всегда балует нас халявными коктейлями. – На танцполе не придется со всякими быками толкаться.

Инга умоляюще кривится.

– Может, все-таки «Джайв» проверим?

Баба Лида как всегда права. Вечно она себе парня выискивает. Познакомится с каким-нибудь полупьяным придурком, неделю с ним потрется и, разочарованная, отправляется в очередные активные поиски.

– В «Джайв» я точно пас. – Поставив бокал на барную стойку, я спрыгиваю с табурета и киваю в сторону танцпола. – Давай часок здесь побудем и по домам. Мне завтра Тотошку еще к ветеринару вести.

– Опять сожрал что-то?

– Прививка плановая. Народ, кстати, прибывает, – я киваю на вход, где появилась компания из четырех парней. – Так что, считай, твой вечер спасен.

– Ладно, – великодушно соглашается Инга, спрыгивая за

мною следом и на ходу поправляя декольте кружевной майки. – Побудем еще чуть-чуть. Но если будет тухляк – я поеду в «Джайв».

Будет тухляк или нет, зависит от того, удастся ли ей с кем-нибудь познакомиться. Не знаю, почему ей так не везет. Инга вообще она не страшная, что бы баба Лида не говорила: фигура отличная, волосы красивые. Может нос немного большеват, но всем же такие сплюснутые пяточки, как у Тотошки, иметь. У меня, кстати, нос тоже не маленький, но это никого не смущает. Парня себе выискивает Инга, а знакомятся вечно со мной. Сколько, оказывается, на свете мазохистов. Взять хотя бы того дурика из фитнес-клуба: я его в дебилизме заподозрила и факами на прощанье помахала, а с него как с гуся вода. Имя, говорит, свое скажи. Дурик и есть.

Танцевать мы встаем поближе к столу, где размещается та компания. Мне-то плевать, где плясать – это все ради Инги. Она же себе еще не абы кого, а побогаче хочет найти. Мечта у нее такая – замуж нормально выйти. Ей с домашними конечно не повезло: мать с бывшим зэком живет, который ее время от времени поколачивает. Инге тоже пару раз прилетало, пока она его сковородкой как следует не огрела.

Вот она и ищет способы поскорее из дома смыться – чтобы всего этого не видеть. На Ленку, нашу подругу, насмотрелась. Она на первом курсе универа познакомилась с мужиком, который крутым столичным бизнесменом оказался. Тот чуть ли не с первого взгляда в нее влюбился и с собой

увез. Живет теперь Ленка в центре Москвы и фотки красивые в соцсети выкладывает. Только мужик этот женат, похоже, потому что живет она на съемной квартире уже второй год и замуж он ее все никак не зовет. Я спросила как-то напрямую: мол, женатик он, что ли? Ленка обиделась и трубку повесила. С тех пор я не интересовалась.

Это я к тому, что Инга тоже так хочет. Чтобы любовь с первого взгляда случилась, и прекрасный богатый принц за раз лишил ее всех проблем. Еще меня подбивает: мол, давай вместе знакомиться. Одновременно замуж выйдем и будем с колясочками по парку гулять.

А какая мне колясочка? Я хочу высшее образование до ума довести и приют для собак открыть. У меня, как Тотошка появился, я так животными прониклась. Как увижу бездомного щенка – сразу слезы на глаза наворачиваются. Каждому хочется помочь. Если бы не баба Лида, я бы точно нашу квартиру в зоопарк превратила. Они ведь такие незащитные... Если я, к примеру, могу на работу устроиться, чтобы на еду себе заработать, то ни кошки, ни собаки этого сделать не могут. Кто-то ведь должен им помогать.

– Яська! – Инга дергает меня за руку, заставляя посмотреть на себя. – Они нас за стол к себе зовут.

– Кто? – переспрашиваю я и, лишь заметив обращенные на нас взгляды парней за тем самым столом, понимаю, о ком идет речь. – А с чего ты взяла, что они нас позвали?

– Да этот светленький в синей футболке мне сейчас кив-

нул.

– И что теперь? – фыркаю я. – Он кивнул – и нам сразу к ним бежать?

– Ну Яся! – умоляюще стонет Инга. – Такси в «Джайв» триста рублей стоит, а у меня и так последний косарь остался.

Глубоко вздохнув, я еще раз взвешиваю «за» и «против». Сама бы я точно к ним не пошла после такого предложения. Но Инга просит, а без меня она к ним за стол точно не пойдет. Это наше негласное правило: друг друга не бросаем. Поскорее она бы уже себе принца нашла и обзавелась этой чертовой коляской.

– Ладно, блин, – говорю я, окидывая будущее пристанище оценивающим взглядом. Да вроде нормальные парни. На быков или зэков не похожи.

По-деловому к ним подходим, Инга сама нас представляет. Те тоже представляются: Паша, Дима, Марсель и Роман, если я правильно запоминаю. Блондин в синей футболке сразу коктейли нам заказывает. Видно, что не впервой им девчонок за свой стол зазывать.

– Чем занимаешься, Ярослава? – выкрикивает он через весь стол и тянется своим стаканом, чтобы чокнуться. Сразу понятно, к кому катить собрался.

Снова неудобно перед Ингой становится. Она же этого Пашу себе облюбовала. Мне-то вообще никто из них не нужен.

– Учусь, – отвечаю я коротко, давая понять, что со мной ему нечего ловить.

– А на кого?

– На биолога.

Отхлебнув коктейль, я начинаю демонстративно оглядывать периметр клуба, чтобы продемонстрировать свою незаинтересованность. Авось взбесится таким игнором и переключит внимание на более перспективную кандидатуру. На Ингу. Хотя и не похож он на того, что в ближайшие лет пять планирует гулять по парку с потомством. Но это ладно. Не мои уже проблемы.

Неугомонный Паша пытается спросить что-то еще, но я пропускаю вопрос, отвлекшись на знакомую высокую фигуру возле бара. Плечистый парень в клетчатой рубашке заказывает себе выпить.

Собираюсь вернуть внимание к блондину, потому что невежливо пить халявный коктейль за арендованным столом и совсем уж внаглую игнорировать его вопросы, но в этот момент «клетчатый» поворачивает голову, и я напрочь забываю о манерах. Ну надо же, а? Вот так совпадение. Это ведь тот дурик из фитнес-клуба, оставивший мне на руке здоровенный синяк.

Алан

– Бомбей, – говорю я бармену, припечатывая стойку зеленой купюрой.

Пить я не планировал, но едва войдя в грохочущий басами зал и завидев кучки людей за столами, понял: придется. Потому что быть трезвым в таком месте, да еще и в одиночестве, как минимум, странно и скучно.

В самый популярный местный клуб я попал спонтанно. Книга некстати подошла к концу, спать мне не хотелось, а других планов ожидаемо не было. Около часа бесцельно попялившись в телевизор, я вызвал такси, и водитель привез меня сюда.

Ладно. Пусть настроение у меня далеко не тусовое, да и музыка здесь откровенно паршивая, надо постараться получить удовольствие. Посмотрю, как здешняя молодежь отдыхает, может, Алику новых идей для развития подкину. Он как раз похожее заведение в Выборге осенью открывает.

Отпив джин, оглядываюсь. Интерьер здесь как минимум на уровне: никаких бархатных штор, раскачивающихся клеток и диванов из кожзама. Обстановка похожа на один культовый швейцарский клуб: исключительно светлые тона и голубая потолочная подсветка. Публика тоже вполне прилич-

ная: по крайней мере, гопников и пьяных подростков не наблюдается. Посетители – преимущественно парни и девушки лет двадцати пяти-тридцати, шустряют официанты и столы явно работают по депозиту.

Не донеся бокал до рта, я щурюсь. Стой-ка, а это не...? Пульс невольно ускоряется. Да, она. Ангел, которая на деле оказалась Не-Ангелом. Сидит за столом по центру, чокаясь коктейлем с каким-то парнем.

Усмехнувшись, я чересчур щедро отпиваю джин и морщусь от избытка пряного вкуса. Очередной неприятный сюрприз. Помимо того, что девушка, годами мучившая меня во снах – редкая хамка, у нее, оказывается, еще и парень есть.

Не знаю, почему я удивляюсь и отчего снова ощущаю разочарование. Она мне ничего не должна. Живет себе спокойно в далеком сибирском городе, по настроению хамит незнакомцам и, как и большинство, имеет личную жизнь. То, что я вообразил, что наши судьбы как-то связаны, не накладывает на нее никаких обязательств. А значит и причин разочаровываться у меня нет.

Отвернувшись, я осушаю бокал и делаю знак бармену повторить. Снова поворачиваюсь. Так, а это уже интересно. Пока блондин с энтузиазмом к ней тянется, Не-Ангел пытается держать расстояние. Обычно пары так себя не ведут. И дело не в том, что они успели поругаться – тут другое. Если я правильно читаю язык тела, эти двое вообще мало знакомы.

Я перевожу взгляд на вторую девушку за столом, кото-

рая в этот момент отчаянно флиртует с соседом, и картина полностью проясняется. Она и Не-Ангел обыкновенные чайки. Чайками в нашей компании называют девушек-прилипал, которых можно позвать за стол с дальнейшей перспективой провести с ними ночь. Чайки любят халяву и по определению слетаются только на обеспеченных.

– Ваш джин Бомбей, – напоминает о себе парень из бара.

Машинально кивнув, я заставляю себя оторвать взгляд от неприглядной картины и посмотреть на хрустальное содержимое бокала. Идеала женщины, который я лелеял с самого детства, в реальности не существовало. В чем тогда был смысл этих снов? Это шутка подсознания какая-то? Все, что я терпеть не могу в противоположном поле, да и в принципе в людях, собрано в девушке, ради которой я бросил родной город и притащился на другой конец страны, чтобы жить в неудобной съемной квартире.

Так какой из всего этого можно извлечь урок? Один, разве что. Хватит заниматься всякой херью.

– Добавить льда? – интересуется бармен, заметив, что я задумчиво завис над бокалом.

– Нет, спасибо. – И добавляю зачем-то: – Сейчас выпью и поеду домой.

А вот и четкий план наконец нарисовался. Допить джин, вызвать такси и купить обратный билет в Питер. Все же в небольших количествах алкоголь бывает даже полезен. Расставляет вещи по своим местам. Кстати, нельзя сказать, что-

бы поездка прошла впустую. Я, как минимум, осознал, как прекрасно жил до этого. Может быть, по возвращению даже возобновлю отношения с Женей. Сейчас и не вспомню, что конкретно меня в ней не устраивало.

– Воды дай, а, Лех, – вдруг звонко раздается слева от меня. – Стакан фильтрованной.

Я поворачиваюсь взглянуть на говорящую по двум причинам: во-первых, потому что странно слышать, как в самом модном клубе города кто-то просит у бармена налить воды из-под крана. А во-вторых, потому что ее голос слишком знаком.

Густые темный волосы на прямой пробор, прозрачный блеск на пухлых губах и ярко-карие глаза. Чайка и хамка собственной персоной. Стоит рядом и, навалившись локтем на барную стойку, насмешливо кривит губы.

– Следишь, что ли за мной, дурик? – Задрав рукав футболки, она тычет пальцем в здоровенное фиолетовое пятно. – Как я и говорила: наставил мне своим баулом огромный синячище. Так что извиняйся-ка давай. Мохито в Лехином исполнении подойдет.

У девчонки определенно дар своей наглостью заставить людей врасплох. В последний раз, когда мы виделись, она назвала меня умалишенным и фигурально послала на хер, а теперь бессовестно требует купить коктейль.

– Снова тупишь? – Не-Ангел смотрит на меня с шутливым сочувствием. – Ну ничего. Я подожду.

Я даю себе мысленную оплеуху. И правда. Ответь ей уже что-нибудь.

– У тебя вроде есть, у кого просить. – И киваю в сторону стола, который они со второй чайкой облюбовали.

Девчонка быстро оглядывается, во взгляде мелькает странная досада. Будто сожалеет, что я заметил, с кем она сидела. Интересно, почему? Потому что увидела новую, более интересную перспективу в моем лице?

От этой мысли становится противно и смешно одновременно. Связываться с чайкой – себя не уважать. Оставляю это тем, кто не брезгует сексом за деньги. Ну, или рад обманываться фальшивым женским интересом.

– Баулом-то ты меня приложил, – хмыкает девчонка, подтягивая к себе стакан с водой, услужливо предоставленный «Лехой».

Я наблюдаю, как жадно она пьет, по-детски обхватив его обеими руками, и испытываю очередной диссонанс. Чайки

так себя не ведут – они жеманничают, провоцируют, сознательно принимая максимально эффектные позы. А эта... Ну черт ее знает. Простые джинсы с футболкой, в которые она одета, еще, допустим, ни о чем не говорят. Со своей внешностью она может не слишком усердствовать с выбором гардероба. Но ее манеры... Едва ли вернувшись за стол к той компании, она вдруг превратится в игривую сексуальную кошку. Она по своей природе хреново воспитана и, кажется, привыкла говорить все, что взбредет ей в голову. Может это сорт здешних прилипал такой? Чайка местного разлива?

– Ну, так что? – Отставив стакан, девчонка выразительно на меня смотрит, отчего все предыдущие мысли вмиг вылетают из головы. Красивая. Никакого макияжа, кроме какой-то неяркой помады или блеска на губах. И это тоже идет вразрез с моими представлениями о чайках.

Все-таки я слишком привязался к Не-Ангелу в своих снах, чтобы перестать искать ей оправдания.

И я снова поступаю вопреки своим принципам и логике: поднимаю руку и прошу бармена приготовить мохито. Себя успокаиваю тем, что необходимо еще немного времени для решения ее загадки. Мне, в конце концов, завтра домой улетать. Неплохо бы закрыть этот многолетний гештальт.

– Какой послушный котька, – незамедлительно реагирует девчонка, расплываясь в озорной улыбке. И, отвернувшись, выкрикивает: – Лех! Лайма побольше положи!

Удивительно, как с таким языком, а вернее неумением его

контролировать, она дожила до своих лет целой и невредимой. Она же мертвого доведет.

– Заплачу с условием, что пить будешь здесь, – говорю я, выкладывая на барную стойку новую купюру.

– Так мы не договаривались, – фыркает она и снова быстро оглядывается.

Я готовлюсь сказать, что в случае отказа может выпросить у Лехи еще один стакан воды из-под крана и валить с ним на все четыре стороны, но в этот момент девчонка ловко перехватывает мохито со стойки и, обхватив соломинку губами, буркает:

– Хрен с ним. Уговорил.

Не хочет идти обратно, – догадываюсь я. Ожидания не совпали с реальностью? Подружка-то ее продолжает сидеть за столом.

– Если уж я купил тебе выпить, представься. – Я самовольно задеваю ее бокал своим, зная, что девчонку наверняка это взбесит. – Я Алан.

– Маруся, – без энтузиазма произносит она первое пришедшее на ум имя.

Я беззвучно выдыхаю. Детский сад. Какой смысл врать? Обычный вопрос задал. Дикая какая-то, честное слово. Если она и чайка, то точно неудачница.

– Держи еще на всякий случай, Ясь. – С этими словами бармен придвигает к нам блюдце с нарезанным лаймом.

– Яся? – с усмешкой переспрашиваю я, позабавленный

удачным стечением обстоятельств.

– Ненавижу, когда меня называют «Яся», – буркает девчонка, глядя на меня исподлобья. – Либо Ярослава, либо Яс.

– Ярослава, – произвольно повторяю я, пробуя звучание этого имени. – Тебе, как не странно, подходит.

– Как не странно? – с подозрением щурится она, выпуская изо рта соломинку.

Я хочу честно ответить, что с ней, а вернее манерой ее поведения вяжется что-то более короткое и резкое, но отвлекаюсь на осязаемое появление рядом с нами третьего лица. Подошедший – тот самый парень, настойчиво пытавшийся привлечь внимание Ярославы за столом, и, судя по исходящим от него флюидам нетерпения, он явно хочет поучаствовать в нашем диалоге.

Чайка, она же Не ангел и она же Ярослава, почувствовав вторжение третьего, резко поворачивает голову, после чего быковатый взгляд блондина отклеивается от моего лица и перемещается на нее.

– Ты чего тут? – с фальшивой непринужденностью произносит она. С фальшивой, потому что в ее голос натянут. – Тоже за коктейлем подошел?

– Коктейли за стол официанты приносят, – говорит парень, глядя на нее то ли с упреком, то ли с обвинением. – Ты же вроде в туалет собиралась.

Мне приходится в срочном порядке переосмысливать ситуацию. То есть, я ошибся в наблюдениях, и этот тип все-таки ее парень? Ну и Не ангел. На черта так людей подставлять? Полезла к незнакомцу с требованием купить ей коктейль, хотя пришла сюда не одна. Но я, конечно, сам debil. Еще в день нашей первой встречи было понятно, что ее нужно стороной обходить.

– Друг... – начинаю я, поднимая руку в миротворческом жесте. – Мы друг друга не совсем поняли, скорее всего...

– Слушай, Рома, – раздраженно перебивает меня Яся. – Не упомяну, чтобы тебя назначили моим опекуном. Давай-ка я сама буду решать, когда мне ходить писать, а когда разговаривать со своими друзьями.

Это у них игра какая-то? С каких пор мы с ней стали друзьями? Или она решила с моей помощью его ревновать заставить?

В мыслях я медленно смыкаю руки на ее тонкой шее и с силой сдавливаю. Надо же так по-тупому вляпаться. У парня сейчас челюсть от злости треснет, а разгребаться, само собой, придется мне. Если он, конечно, не проявит чудеса выдержки и не предложит своей бедовой "половинке" обсудить сложившуюся ситуацию наедине, что маловероятно. Он нетрезв и обижен. Вариант с тем, что он схватит ее за руку и поволочет разбираться, тоже не слишком утешителен: наблюдать за насилием со стороны я не могу, а значит, так или иначе потребуется вмешаться. А оправдываться: мол, твоя девушка сама ко мне приклеилась и никакие мы с ней не друзья, будет не по-мужски. Никто, в конце концов, не мешал мне послать ее подальше с наглой просьбой о коктейле.

Короче, ситуация дерьмовая, откуда не посмотри. И парень, как назло, кабан здоровый. Такой с кулаками точно полезть не побоится, чтобы уязвленное ЧСД подлечить и заодно впечатлить свою легкомысленную девушку.

– Пошли за стол, – нетерпеливо требует блондин, кивая себе за плечо. – Закажу тебе новый... Что ты там пьешь? Мохито.

Я почти готов поаплодировать его выдержке, но уже в следующую секунду неугомонная Ярослава все портит.

– Я хочу стоять здесь, значит, здесь и останусь. В зале куча

других девушек. Их угости.

Не успеваю я обдумать, говорит ли услышанное в пользу того, что у этих двоих все-таки нет отношений, как происходит то, чего я так опасался: блондин довольно-таки грубо хватает ее запястье. На мое присутствие ему явно плевать, что обидно. Совсем не рассматривает вариант, что я не стану за этим молча наблюдать?

– Эй, придур! – возмущенно верещит Яся, смешно шлепая его по руке. – Совсем нюх потерял?

Думать особо некогда: выпустив стакан, я бью внутренней стороной ладони ему в плечо. Не так сильно, чтобы открыто ознаменовать этим жестом драку, но достаточно резко, чтобы он перестал тащить девчонку за собой.

Срабатывает. Блондин, выпустив руку Яси, отшатывается и несколько секунд непонимающе глазеет перед собой. Я обреченно морщусь. Сильно я толкнул его или не очень, но становится ясно, что драки не избежать.

– Придурак... Еще один синяк будет, – жалобно ноет Яро-слава.

Ее шипение перебивает более грозное.

– Ты на кого полез, знаешь? Убью, на хрен.

Здоровенный кулак не вонзается мне в висок лишь потому, что я машинально дергаюсь влево. Давние тренировки по боксу сейчас приходятся кстати, в критической ситуации вытаскивая наружу забытые рефлексy. Жаль только, что занимался я всего год и вряд ли получится преспокойно уло-

жить на пол блондина и каждого, кто прибежит ему на помощь.

От неудавшейся попытки проломить мне череп парень с грохотом влетает в барную стойку, заставляя всех, кто находится рядом, расступиться. По-хорошему нужно не ждать и, воспользовавшись его дезориентацией, ударить первым. Лучше всего локтем в позвоночник. Проблема в том, что я не хочу с ним драться. От потасовок вроде этой меня в принципе воротит. По пьяни, без видимой на то причины.

– Лех, ну где там охранники ваши? – истерично выкрикивает Ярослава, переводя перепуганный взгляд с меня на блондина, готовящегося снова броситься в атаку.

– Друг, хорош, – медленно, почти по слогам выговариваю я, поднимая вверх ладони. – Seriously. Пошли лучше на улицу перекурим и все проясним.

Скулу обжигает острая боль, от которой звенит в ушах. Во рту растекается солоноватый вкус крови.

Блядь. С-сука. Так и знал, что пацифизм с бухими не работает. Все-таки нужно было дать ему локтем в позвоночник.

– Блин, да уведите этого придурка! – продолжает громко верещать Яся, пока я пытаюсь вернуть себе зрение. – Он меня силой за стол хотел посадить... Еще и на людей бросается...

Когда картина перед глазами постепенно проясняется, я вижу, как два здоровенных секьюрити отводят блондина в

сторону и довольно деликатно что-то ему втолковывают. Видимо вопрос, знаю ли я, на кого полез, был не праздным. В любом приличном питерском заведении за драку вышвырнули бы, не церемонясь, причем обоих. А воспитательные беседы оставили бы полиции.

– Блин, дурик... – горячей щеки касается прохладная рука и осторожно поглаживает. – Больно, да? Капец этот придурок лютый. Вообразил себе, что я его девушка... А я его первый раз вижу...

А-а. Ну то есть, она не его девушка. Тогда он действительно лютый. Лютый отморозок. Какие к вообще могут быть претензии к ней и ее несостоявшимся походам в туалет?

– Нормально. – Я машинально снимаю ее ладонь со своего лица. – Теперь ты моя должница, в курсе? Челюсть вроде целая, но синяк точно появится.

Взгляд Ярославы, с секунду назад пылавший сочувствием и сожалением, моментально леденеет.

– Трахаться с тобой не планирую, и не мечтай.

– Ну что ты за дура такая? – устало роняю я, наплевав на свое джентльменское отношение к женщинам. – Сигарету с зажигалкой для меня раздобудь, и будем в расчете.

8

– Вот, держи, – Ярослава сует мне в руку тонкую сигарету и синий «крикет». Кажется, инцидент с настойчивым ухажем испугал ее сильнее, чем я думал: ее пальцы холодные и немного дрожат.

– А чего-то более мужественного не нашлось? – иронирую я, чиркая колесиком зажигалки для проверки работоспособности.

– Бери, что дают, – незамедлительно ощеривается мегера. – Никто твою мужественность под сомнение ставить не собирается после того, как ты тому придурку втащил.

– Я его оттолкнул, а это принципиально разные вещи.

Ярослава-Не ангел презрительно морщит нос.

– Не дурик ты, а зануда.

Подавив желание ответить ей что-нибудь едкое, я закладываю сигарету в уголок рта и указываю глазами на выход:

– Ладно, Яся. Я перекурю и домой поеду. Впредь будь аккуратнее. С твоим языком и неразборчивостью не помешает.

– Чего это ты так торопишься от меня избавиться? – проигнорировав мое внушение, щурится она. – Я, может, с тобой курить пойду.

И снова двоякое чувство. Призрачная радость оттого, что у меня есть еще немного времени на разгадку причин моих сновидений, и разочарование от очередного неприятно-

го факта. Она курит. Ханжество с моей стороны, признаю, в особенности, когда изо рта торчит женская папироса. Но курю я только в исключительных случаях. Например, когда незнакомый бугай без причины пытается разбить мне лицо, или на похоронах лучшего друга, на скорости сто пятьдесят влетевшего в бетонное ограждение. Так что, можно сказать, не курю.

Мы вдвоем пробираемся сквозь толпу посетителей и выходим на улицу. Дверь захлопывается, отрезая от нас грохота музыки, и я чувствую внезапное расслабление. За время, проведенное здесь, я успел отвыкнуть от тусовок и шума.

– Себе-то сигарету взяла? – уточняю я, макая кончик в газовое пламя.

– Зачем мне? – фыркает Ярослава. – Я своё здоровье берегу.

Я едва не давлюсь дымом. Сигарета, хотя и тонкая, но крепкой оказалась.

– Ты же сама со мной курить напросилась.

– Не курить, а составить компанию, – снисходительно произносит она, втыкая руки в бока. – В благодарность за помощь. А то будешь стоять на улице один, как дурак. Ты, кстати, почему один в клуб приперся? Друзья кинули?

Кажется, я начинаю привыкать к ее манере общения или, по крайней мере, уже не воспринимаю каждое грубоватое слово на свой счет. Дело не во мне, а в том, что говорить по-другому она не умеет. А жаль. Интеллигентность сделала

бы ее неотразимой. Если уж даже сейчас я против воли ей люблюсь.

– У меня нет здесь друзей, – поясняю я, выдувая горчащий дым в сторону. – Я живу в Питере.

– А у нас что забыл?

«Ты бы охренела, если бы я рассказал, – саркастично думаю я. – Я и сам каждый день охреневаю».

А вслух говорю:

– Решил ненадолго сменить обстановку. На днях улетаю обратно.

– Ясно, – не особо расстроившись новостью о моем скором исчезновении, роняет Ярослава. – Ну и как тебе Иркутск? Отстой?

– Почему отстой? – не удержавшись от улыбки, переспрашиваю я.

– Видно, что ты высокомерный, так что вряд ли тебе у нас понравилось, – без раздумий и в лоб припечатывает она.

Я снова чувствую раздражение. Высокомерный? Потому что получил из-за нее в челюсть и стоически терплю все ее хамство?

– То, что мой лексикон чище твоего, никак не указывает на мое высокомерие.

– Не в лексиконе дело, а в твоём лице. Вернее, в выражении. Оно какое-то... – сощурившись, Ярослава склоняет голову вбок и пристально меня оглядывает. – В общем, какое-то высокомерное. Может, конечно, черты у тебя такие...

Я невольно дергаю челюстью. Чувствую себя как собачьей выставке. Осталось только зубы проверить и под хвост заглянуть.

– Хотя в целом ты симпатичный, – великодушно заканчивает она.

– Первое приятное слово от тебя за обе наши встречи, – усмехаюсь я, швыряя окурок в урну.

– Ясь! – громко доносится справа. – Капец ты пропала! Я аж перетрухала вся.

В стремительно приближающейся к нам девушке я узнаю ту вторую, что сидела за столом. Судя по неженственной походке и своеобразной манере речи, чайкой она тоже не является.

– Это ты пропала вообще-то! – возмущенно шипит Ярослава. – Ты в курсе, что тот придурок меня хотел силком за стол притащить? Если бы не он... – она не глядя кивает в мою сторону, – мы бы точно подрались. Я побежала тебя из-за стола забирать и не нашла...

– Да я в толчок на пять минут отлучилась, – оправдывается ее подруга, виновато гримасничая. – А когда подошла, Марсель мне сказал, что лучше уйти, пока проблемы не начались. Блин, прости, что так вышло... Я думала, они нормальные.

– Нормальные, – беззлобно передразнивает ее Яся. – Теперь у меня еще один синяк будет. Это, кстати...

Повернувшись, она вопросительно разглядывает меня,

явно силясь вспомнить имя. Честное слово, общение с ней – это бесконечная череда унижений.

– Алан, – представляюсь я. – Ты, я так понимаю, Инга.

Кивнув, девушка оглядывает меня с новым интересом. Тем самым, который я уж точно не хотел в ней вызвать.

– Спасибо, что защитил Ясю, Алан, – выговаривает она, меняя тон на более певучий и мягкий. – Кстати, какие планы на вечер?

– Домой, – лаконично отвечаю я.

После этих слов заинтересованность в ее глазах гаснет, и она разворачивается к Ярославе.

– Может в «Джайв» все-таки? Мне Ванек звонил. Он сегодня на смене. Говорит, народу полно, весело.

– Нет, я точно пас, – морщится Ярослава. – Мне на сегодня веселья хватило. Но ты езжай, если хочешь. Я не обижусь.

– Точно?

– Точно. Иди.

Какое-то время мне приходится слушать их треп о парне, с которым эта Инга встречалась и с которым подумывает восстановить отношения, после чего она садится в подъехавшее такси и уезжает.

Мне следовало бы сделать то же самое минут десять назад. Сигарет у меня все равно нет, как и шанса на дальнейшую приятную беседу с Ярославой. Мы с ней с разных планет, и знакомство с ее подружкой только что это подтвердило.

– Так ты что значит, домой едешь? – спрашивает она, возвращая взгляд ко мне.

– Да. Могу и тебя по дороге закинуть, если адрес назовешь.

– Снова торопишься от меня избавиться?

– А ты ждешь других предложений? Трахаться ты со мной уже отказалась.

В ответ на эту шутку я готовлюсь услышать возмущенное шипение, однако Ярослава реагирует на удивление спокойно:

– А кто говорит про трахаться? У тебя дома есть пиво безалкогольное? Можно еще пиццу заказать... – Она закусывает губу и мечтательно жмурится. – М-м-м... Четыре сыра. Блин, я, оказывается, голодная такая...

В моей голове за секунду проносится столько мыслей, что ей проще взорваться, чем их обработать. А так как мозги мне дороги, я предпочитаю их не насиловать, ну или как минимум сделать это чуть позже. Поэтому и говорю то, что говорю:

– У меня телефон доставки есть круглосуточный. За час все что угодно привезут.

Явно обрадовавшись, Ярослава хлопает в ладоши.

– Крутяк! Тогда вызывай такси.

Проматывая список приложений на экране мобильного, я не удерживаюсь от иронии:

– А ты, конечно, рисковая. Знаешь ведь меня всего пять

минут. Вдруг к кровати привяжу и изнасилую.

– Не изнасилуешь, – беззаботно отмахивается она. – Я же чувствую, что ты хороший.

9

– Ой, я эту улицу знаю! – с необъяснимой радостью восклицает Ярослав, ткнувшись лбом в боковое стекло такси. – У меня здесь подружка жила, с которой я в начальной школе училась. У нее мама делала обалденные пирожки с яблоками. Моя баба Лида обычно их в духовке пекла, а она жарила в масле. Такие жирные были и сладкие... М-м-м...Объеда-
нье.

– Кажется, ты и правда голодная, – усмехаюсь я, указывая таксисту на нужный поворот. – Даже мне после такого рассказа захотелось какого-нибудь жирного фастфуда.

– Так я же сразу сказала, что голодная. Ты, надеюсь, пиццу уже заказал?

– Заказал две. Не волнуйся.

Сейчас мне становится даже смешно от своего недавнего предположения о том, что Ярослава – профессиональная чайка. Она кто угодно: девчонка с приветом, беспризорница, оторва, но точно не та, кто разводит мажоров на деньги.

– Странно, что ты выбрал именно это место, – с сомнением произносит она, когда водитель высаживает нас возле нужного подъезда.

– Почему?

– Далеко от цивилизации. Да и от спортзала, в который ты ходишь, тоже не близко. Не похоже, что ты сильно-то привык

экономить.

– И что ты во мне такого увидела, отчего решила, что сорю деньгами направо и налево?

Я иду к крыльцу и, заметив, что Ярослава мешкает, делаю приглашающий жест, показывая подниматься за мной. Про себя я решил ничего больше не домысливать и просто за ней наблюдать. Очень интересно, как будут дальше развиваться события.

– Я же уже сказала, – буркает она, после короткой заминки шагая следом. – Ты выглядишь высокомерным. Тяжело быть высокомерным, когда ты нищий.

– Хороший и высокомерный, – иронизирую я над ее манерой рисовать психологические портреты. – Ладно, пусть будет так. Это лучше, чем дурик.

По мере приближения к нужной двери, боевой дух Ярославы начинает заметно угасать. Она держится поодаль, пока я отпираю замок, а потом и вовсе делает вид, что ищет что-то важное в сумке.

– Не передумала заходить? Если передумала – ничего страшного. Вызову тебе такси.

На секунду она колеблется, но потом делает решительный шаг в мою сторону. Это даже хорошо, что засомневалась. Значит, не такая уж она и отмороженная и инстинкт самосохранения в ней все же не умер.

– Пиццу и пиво привезут через пятнадцать минут, – информирую я, щелкая выключателем. – Если захочешь по-

мыть руки – туалет справа. Ну, а в целом, будь как дома.

– Неудивительно, что ты в Питер поскорее вернуться хочешь, – ехидничает Ярослава, оглядываясь. – Обстановочка тут убогая.

– А сама ты в двухуровневых апартаментах с видом на Ангару живешь? – парирую я, отметив, что новость о моем отъезде все же не прошла для нее незамеченной.

– В моей квартире по крайней мере обои не отклеиваются. – Ступней, облаченной в белый носок, она тычет в угол прихожей. – Ремонт здесь старше, чем я.

– Вполне вероятно. Тебе кстати сколько?

Сощурившись, Ярослава в очередной раз оценивающе оглядывает меня, будто размышляя, достоин ли я столь ценной информации.

– Не хочешь – не говори, – равнодушно добавляю я, разворачиваясь, чтобы уйти в гостиную. Пусть не думает, что каждая графа ее биографии для меня словно манна небесная.

– Двадцать два мне, – догоняет меня через секунду.

– Я примерно так и думал. Родители не потеряют? Или ты одна живешь?

– Я живу с бабушкой и с Тотошкой.

– Кто такой Тотошка? – машинально переспрашиваю я, давая себе время переработать новую информацию. Живет с бабушкой, потому что сирота? Или потому что той необходим уход? Или, как многие, просто не в ладах с семьей?

– Это мопсик мой. – Голос Ярославы становится восторженным и благоговейным. Таким обычно говорят о детях. – Сейчас покажу.

Выудив из заднего кармана побитый китайский смартфон, она подходит вплотную и, прижавшись ко мне плечом, начинает листать галерею.

– Вот он. Классный, да? Такой обжора, ты не представляешь. Вроде знаю, что их породе нельзя переедать, но он так жалобно смотрит, что последний кусок хлеба отдашь. А вот тут ему три месяца... Прикол, да? Глаза в разные стороны смотрят... Сейчас вообще изменился. Толстожопенький...

Я на автомате киваю, глядя как ее ноготь, покрытый бесцветным лаком, скользит по треснутому экрану в попытке показать как можно больше фотографий лупоглазого собачена, сильно напоминающего французского бульдога. Любители животных предали бы меня анафеме, но все, о чем я думаю в этот момент – это о том, как приятно пахнут ее волосы и что прямо сейчас, вопреки всем мыслям Ярославы о моей «хорошести», я хотел бы толкнуть ее на диван и как следует трахнуть.

Ярослава

– Леха вообще классный парень. Я его никогда не прошу коктейли бесплатные наливать – он сам предлагает.

– Наверное, глаз на тебя положил, – усмехается Сноб, поднося ко рту горлышко пивной бутылки.

– Вот бесят меня такие замечания. – От негодования я даже опускаю надкусанный кусок пиццы на тарелку. – Такое ощущение, будто люди могут по-человечески друг к другу относиться только когда им что-то нужно.

– Относиться по-человечески и нарушать трудовые обязанности – это все же разные вещи.

С одной стороны, мне разозлиться на него хочется, а с другой – рассмеяться. Ну что за зануда такой? Может, они в Питере все такие? Если бы не это, кстати – мог бы даже мне понравиться. Высокий и фигура у него классная – недаром, видно, в спортзале торчит. Лицо вроде тоже не подкачало. Но смазливых вокруг полно, а у Сноба внешность интересная... С изюминкой, вот. Изюминка – это, разумеется, его глаза цвета зимнего Байкала. Поэтому надо быть с ним осторожнее: чуть зазеваешься – провалишься под переливающийся голубой лед и утонешь.

– Так ты юрист, что ли? Чего это тебя так волнуют чужие

трудовые обязанности?

Скрестив руки на груди, Сноб откидывается на спинку стула и смотрит на меня с улыбкой. Со снисходительной, как мне чудится.

– Я айтишник. Про трудовые обязанности упомянул, чтобы обозначить разницу между просто хорошим отношением и угрозой потерять работу.

– Бла-бла-бла, – гримасничаю я, чтобы наверняка его побесить. Не люблю, когда в моем присутствии кто-то пытается умничать.

В детстве мама часто пеняла отцу, что я отстаю в развитии и никак не запомню азбуку, тогда как соседская дочка Катя давно читает по слогам. Вот рядом со Снобом я как раз чувствую себя отсталой. По его манере говорить и держать себя, видно, что он в своих мозгах уверен. Тем более, если работает айтишником. Но комплексовать все равно не собираюсь. Пусть я не вундеркинд и в компьютерах не разбираюсь, но человек точно хороший. А это самое главное.

– Ты работаешь или учишься? – спрашивает он, не обратив внимания на мою провокацию.

– Учусь, – быстро отвечаю я, словно желая обозначить наличие у меня высшего, пусть и пока не полного, образования. – На факультете ветеринарной медицины.

– То есть твоя любовь к животным имеет под собой документальную основу? – впервые за вечер широко и искренне улыбается Сноб.

– Не знаю, что ты имеешь в виду под документальной основой. Я сначала поступила на биофак, отучилась полгода, поняла, что не мое, и перевелась на ветеринарный. Свою жизнь хочу посвятить помощи бездомным животным.

Отхлебнув пиво, он щурится.

– А старость скоротать с десятью кошками? Уверена, что получится совмещать это с семьей?

Я машинально бросаю взгляд на вторую бутылку, стоящую перед ним. Безалкогольное пью только я. Интересно, как быстро Сноб пьянеет? Не развезет его до такой степени, что он перестанет быть хорошим и начнет ко мне приставать?

– А кто сказал, что я хочу семью? Мне и с самой собой живется отлично.

– Ну как же, – отвечает он с усмешкой. – Как же любовь, романтика, серенады под окном и белое платье?

– Не всем девушкам это нужно. Мне вот с пиццей и пивасиком отлично, – ехидничаю я, салютуя ему бутылкой Коронны. – И вообще, чего ты ко мне привязался? Про себя лучше расскажи.

– А что бы ты хотела узнать?

– Ты был женат? – выпаливаю первое, что приходит в голову.

Взгляд Сноба становится напряженным, почти настороженным.

– Нет. Почему ты вдруг спросила?

– Просто так. Не всем же задавать такие скучные вопросы про образование и возраст. Много путешествовал?

Кивает уже более расслабленно.

– Достаточно.

– Сколько стран посетил?

– Не считал. Но штук тридцать – тридцать пять точно.

– У тебя есть кошка, собака или попугайчик?

– Нет. – И через паузу добавляет: – У меня есть Яго.

– Кто это – Яго? – переспрашиваю я, внезапно находя блиц-опрос чрезвычайно увлекательным. Сидит перед тобой незнакомый человек, а копнешь поглубже – за его плечами найдется не одна интересная история. Тридцать с лишним стран посетить – это надо еще успеть. Я вот нигде не была и как будто никуда и не хотела.

– Яго – это моя машина. Ягуар. Считай, что он мой любимый питомец.

На это я могу лишь презрительно фыркнуть. Как можно сравнивать автомобиль и живое существо?

– Твой питомец состоит бездушная железяка, которая жрет бензин. Это не считается. Любимый фильм?

– Леон, – отвечает Сноб, немного подумав.

– Ого! Это про киллера который? Вот сейчас ты меня удивил. А почему?

– Не знаю, – Усмехнувшись, Сноб задумчиво глядит перед собой. – Посмотрел его в детстве, и он очень меня тронул. Несколько дней о нем думал. Сейчас я бы наверняка отнесся

к нему по-другому, но в любом случае не желаю ничего переосмысливать. Некоторые впечатления юности не хочется портить.

– А почему они обязательно должны испортиться?

– Потому что становишься черствее и скептичнее. – Вынырнув из своих мыслей, он вновь смотрит мне в глаза. – Не замечала, что вкус продуктов из детства уже не производит на тебя такого сильного впечатления?

– Нет, не замечала.

– Просто не пыталась. А если попробуешь – так оно и будет.

Раздув щеки, я с шумом выдыхаю скопившийся воздух.

– Ладно, уговорил. Сколько тебе лет?

– Спустилась до банальных вопросов, – улыбается Сноб. –

Мне двадцать девять.

– Всего на семь лет меня старше, а рассуждаешь как старый дед! У тебя детство, что ли, трудное было? Ты чего такой унылый?

Залпом осушив бутылку, он показывает мне средний палец. Я хихикаю. Так-то лучше. А то вкус продуктов ему, видите ли, уже не тот. Даже моя баба Лида столько не ноет.

Алан

Я смотрю, как Ярослава, без умолку болтая о своем плоскомордом питомце, дожевывает последний кусок пиццы, и ловлю себя на странной мысли о том, что она меня... умиляет, что ли. На влечение к ней как к женщине это ощущение, конечно, совсем не дотягивает, как и не дотягивает ее настоящий образ до того, какой я ее представлял в своих снах. Ангел в моем воображении была хрупкой и воздушной, непостижимой загадкой, этакой нимфой, при столкновении с которой моментально сносит голову.

Девчонка, сидящая напротив, не такая. С Ангелом она схожа только внешностью, а остальное: манеры, жесты, тембр голоса и ее размышления – очень... Не могу подобрать слово... Приземленные, наверное. Хотя обаяния она не лишена. Кажется, не будь меня рядом, она могла бы продолжать также смеяться собственным рассказам, задорно скаля зубы. Я давно потерял нить нашей беседы и полностью отдался наблюдению. Несмотря на грубоватую простоту, мне импонируют ее непосредственность и искренность. Я привык к девушкам, что называется, с двойным дном. Они блудут то, что они говорят, как себя ведут, во что одеты – то есть ждать подвоха не приходится. Это норма современного

общества. Ярослава – другая. Не слишком утруждает себя в том, чтобы быть тактичной, не пытается подбирать слова, не волнуется, какое впечатление произведет. Сначала меня это раздражало, а сейчас втянулся. Интересно за ней смотреть, как за существом с другой планеты.

– Ты там не сильно опьянеешь? – неожиданно спрашивает Ярослава, выразительно глядя на полупустую бутылку в моей руке.

– Думаешь, меня размажет с литра пива? – иронизирую я, сам того не замечая переключаясь на свойственный ей грубоватый сленг. – Я же не сорок килограмм вешу.

– Так ты в клубе еще два стакана крепыша выпил, – не сдается она.

Мысленно я переносусь на два часа назад и вспоминаю: да, было еще два бомбей-сапфира. Так, стоп. При ней я пил только один. Получается, она меня раньше заметила и наблюдала?

Но вслух я этот факт не озвучиваю и предпочитаю уточнить:

– У тебя с этим какие-то проблемы?

– Просто не люблю пьяных. Некоторые такими придурками становятся, стоит им пробку понюхать. Был нормальный человек, а в следующую минуту дебил.

Меня забавляет ее наивность. Нет, допустим с «хорошестью» она не прогадала и в моей компании ей действительно ничего не грозит, но она-то ведь об этом не знает. Но-

чью приехала в квартиру к незнакомому парню и запоздало взялась калькулировать промилле. Наивность, это еще мягко сказано.

– Об этом тебе стоило подумать до того, как ты напросилась ко мне на пиццу с пивом, – усмехнувшись, я подношу ко рту пиво. – Я трезвость блюсти не обещал.

Я почти жалею о своих словах, потому что она вдруг выглядит странно потерянной: взгляд напрягся, ладони спрятала под стол. Испугалась, что начну распускать руки? Наверное, переборщил с иронией. Я совсем не хотел ее пугать, даже если испугаться разок ей бы не помешало для собственного же блага.

– Не нервничай, Яся, – добавляю я как можно мягче. – В любой момент, когда захочешь, я вызову тебе такси до дома.

– Просила же не называть меня Ясей! – огрызается она, моментально заставляя пожалеть о своей сиюминутной слабости.

Определенно, ей палец давать нельзя. Откусит по самое плечо.

– У тебя ужасный характер, ты в курсе? Может, и хорошо, что ты не планируешь семьей обзаводиться.

Вот парадокс. Когда я пытаюсь быть с ней обходительным – гневно фыркает, но стоит не по-доброму съязвить как сейчас – расплывается в улыбке.

– Можно подумать, если я сейчас поманю тебя пальцем, ты не забудешь о моем ужасном характере. Вы же все оди-

наковые.

Такой самоуверенности я могу только поаплодировать. Единственное, что ее оправдывает – это то, что она родом *отсюда*. Приди она на любую модную тусовку в Питере, ее гонор бы значительно поубавился. Красотой меня точно не удивить, особенно с учетом того, что я к началу второго курса половину ведущего модельного агентства перетрахал.

– И чего ты там втихую гримасничаешь?

– Умиляюсь твоим рассуждениям, – скромно замечаю я, не планируя посвящать ее в свои рассуждения. Кто-то за этим столом должен иметь чувство такта.

– Подойди, – вдруг требует Ярослава, прищурившись. – Покажу кое-что.

– Что? – насторожившись, спрашиваю я.

– Узнаешь. – Откинувшись на спинку стула, она манит меня пальцем. – Иди сюда, не бойся.

Застыв, словно истукан, я смотрю на ее бледно-розовый ноготь. Меня словно по голове ударили. За исключением непрезентабельной окружающей обстановки, это один в один кадр из моего сна. Если она сейчас предложит обниматься, то я, вероятно, начну ходить в церковь.

Я ведь не могу просто остаться сидеть, не узнав, что может случиться дальше. Ну не может быть столько совпадений... Многоэтажка эта, встреча с ней и эта фраза.

Отодвинув стул, я встаю и подхожу к ней. Происходящее не до конца ощущается реальным – я словно попал в па-

раллельное измерение, в котором действуют другие законы. Сейчас я готов поверить во что угодно. Даже в то, что при желании смогу оторваться от пола и сделать пару шагов по воздуху.

– Что? – мой голос звучит незнакомо, тихо и хрипло.

Задрав голову, чтобы встретиться со мной глазами, Ярослава делает знак, чтобы я наклонился. Я наклоняюсь, останавливаясь в полуметре от ее лица. Чем она пахнет? Не похоже, чтобы туалетной водой. Свежестью какой-то и отдаленно – то ли черемухой, то ли сиренью. В общем, весной.

– Ближе, – шепчет.

Я невольно задерживаю дыхание, когда послушно опускаюсь к ее виску. От необычности этого момента сердце начинает колотиться быстрее.

Ее тепло-ореховые глаза на секунду касаются моих, а дыхание неспешно перемещается на мою щеку. Это странно, но в этот момент мне хочется закрыть глаза.

– Сказала же, – ласково шепчет она, щекоча волосами мое ухо. – Поманю тебя пальцем – и плевать тебе станет на мой характер. Ты же разве что на задние лапки не встал.

Мне стоит усилий, чтобы осмыслить суть услышанного – я слишком плотно заперт в вакууме своих ощущений. Кажется, она просто нашла очередной способ надо мной поиздеваться. Но сейчас мне плевать. Я слишком загипнотизирован этим моментом и тем, какая роль мне в нем отведена.

– Все, эксперимент подошел к концу, – язвительно про-

износит она, отстраняясь. – теперь можешь возвращаться на место.

Меня совсем не трогает снисхождение в ее тоне, как и тот факт, что я в очередной раз выгляжу полным лохом. Пальцы сами находят ее подбородок и тянут вверх, а тело напротив стремится вниз: к ней, в нее. В этот момент она, наверное, думает, что я обычная напившаяся скотина, пустившаяся в пьяные приставания. Ошибается. Я вливаюсь в ее губы не потому, что рассчитываю на секс с ней. Я делаю это потому, что не могу иначе.

У нее теплые мягкие губы со вкусом той самой весны, который не смогла перебить безалкогольная Корона. Крепче сжав ее подбородок, я жадно скольжу между ними языком в попытке распробовать как можно больше. В эти секунды мне даже не важно, сделает ли она то же самое в ответ. Мне просто хочется узнать, какая она без всей этой уличной шелухи. Что, в конце концов, в ней есть такого, отчего она так долго преследовала меня.

Следует легкий толчок в грудь, раздраженное мычание. Ярослава предприняла попытку меня оттолкнуть. Машинально мотнув головой, я перемещаю ладонь ей на затылок и тяну вверх, чтобы заставить подняться. Лязгает ножка стула, дребезжит стол, но через секунду ее грудь приклеивается к моей.

Подсознательно я готов к тому, что она огреет меня кулаком или прокусит губу: я, в конце концов, напал на нее без предупреждения и не остановился даже после выраженного протеста, – но совершенно не жду того, что спустя несколько секунд она вдруг обнимет меня за шею и с жаром, не меньшим, чем я, ответит на поцелуй.

От неожиданности в мозгах коротит. По отдельности плюс и минус в батарейке не дают ничего. Ток возникает лишь при их непосредственном контакте, как сейчас. Ее

язык минус, мой – плюс, ну или наоборот. Если изначально я потянулся к ней, ни на что не рассчитывая, то сейчас меня накрывает чистейшая первобытная жажда. Засунуть руку ей между ног, сжать ее задницу. Разложить на этом хлипком столе. Раздеть, подмять, проглотить. Увидеть самое честное выражение ее лица.

Запускаю ладонь ей под футболку. Гладкая кожа, выступающие бусины позвоночника, острые лопатки. Лифчика нет. Если совсем немного завести руку вперед, смогу почувствовать ее соски. Если твердые – значит, возбуждена не меньше, чем я. Хотя ее учащенное дыхание, граничащее со стонами, говорит само за себя.

Ярослава была права. Плевать мне сейчас на то, как сильно она далека от идеала, который я себе нарисовал. Пока она молчит, целовать ее и касаться – идеально.

Опустив ладони ниже, я делаю то, что хотел с первого дня нашего паршивого знакомства: сдавливаю ее задницу. Кровь окончательно отливает от головы и сокрушительной волной устремляется в пах. Самое насущное желание сейчас – это снять с нее джинсы и увидеть, как она выглядит без них. Заблаговременно возникшая перед глазами картина лишает меня терпения: я машинально ошупываю пояс на ее джинсах в поисках пуговицы.

– Эй... – бормочет Ярослава и, резко отстранившись, выдает уже громкое и полноценное: – Эй! Ты совсем оборзел? Я был бы рад, если бы такое скорое возвращение на землю

избавило меня возбуждения, но этого, увы, не происходит. Глядя в ее сверкающие от возмущения глаза, я по-прежнему испытываю сильнейшую тяжесть в паху и плюсом к нему – острое разочарование. Оборзел? Разве не ты только что стояла мне в рот?

– Когда двое по обоюдному желанию целуются ночью в пустой квартире, нельзя исключать возможность секса, – медленно выговариваю я, пытаюсь привести в норму сбившееся дыхание.

– Так это ты сам на меня набросился! – рывкает Ярослава, обнимая себя руками. То ли от гнева, то ли смущения ее щеки покраснели.

– Слушай, прекрати на меня орать. Насиловать тебя я в любом случае не собирался, – для убедительности я демонстрирую ей поднятые вверх ладони. – Но, справедливости ради, замечу, что не стоит проворачивать фокусы с «подойди ко мне», если ты хотела спокойно и дальше продолжать есть пиццу.

– Ты же не животное вроде, – раздраженно бросает она, поправляя футболку. – Должен уметь держать себя в руках.

Я заставляю себя отвернуться к окну, чтобы просто ненароком не нагрубить ей. Ей то ли действительно сильно везло по жизни, то ли она сейчас сильно притворяется. Поцеловал ее, допустим, я сам, но все, что было до и после – произошло благодаря ее непосредственному участию.

– Вызову тебе такси. Завтра вставать рано.

Серьезно, сколько можно? Даже у нее с воспитанием про- бел – пусть, по крайней мере, перестанет спускаться на других всех собак. Могла просто сказать «не надо» – и все бы закон- чилось. А то заверещала так, как будто я школьнице членом из-за угла помахал.

– Не надо только отмазки придумывать, – фыркает она, сгребая со стола сумку. – Сама уеду.

Замечательно. Каким-то образом ей удалось заставить ме- ня почувствовать себя скотиной за то, что выставляю ее из квартиры именно сейчас. Будто бы причиной послужило не ее привычное хамство, а то, что она, как принято говорить, «не дала».

– Не торопись, я еще машину не вызвал, – говорю я, слы- ша как она с грохотом обувается в прихожей.

Ответом становится молчание. Стиснув челюсть, я выхо- жу за ней следом и начинаю обуваться. Провожу. С этой ду- рехи станется ночью пешком прогуляться.

– Адрес говори.

По сверкнувшему взгляду Ярославы вижу, что ей не тер- пится меня послать, но она неожиданно называет улицу и номер дома и сразу же хлопает дверью.

Пару секунд я стою в растерянности, а потом делаю то, что будет наиболее уместно в сложившейся ситуации: сни- маю блокировку с мобильного и вызываю такси. Чем я все это заслужил? Выслушал кучу нелицеприятного, схлопотал в челюсть, а по итогу ощущаю себя главным злодеем вечера.

Приложение уведомляет меня, что машина подъедет через две минуты. То есть, большого смысла спускаться за ней нет. Вздохнув, начинаю разуваться. Говорят, ты заскучал в Иркутске, Алан? Получи долгожданное развлечение.

О том, что Ярослава благополучно добралась до дома, я узнаю уже лежа в кровати. Даже от душа отказался, несмотря на то, что он бы помог снять последствия стояка. Состояние... Странное, как и все, что происходит со мной в последнее время. Отчасти раздраженное из-за идиотского окончания вечера, а отчасти взбудораженное. Есть из-за чего. Девчонка, которая являлась мне в снах, заговорила знакомыми фразами, а полчаса назад я чуть не поймел ее на кухне *того самого* дома.

Стоимость поездки составила двести двадцать семь рублей, – услужливо информирует приложение такси. Бюджетно.

«Не забывай еще про пиццу и пиво», – насмешливо подсказывает внутренний голос. Он у меня тот еще сноб.

Поставив телефона на зарядку, я нащупываю на стене выключатель, чтобы погасить свет. Темнота обволакивает глазные яблоки, включая нарезку свежих кадров: теплые карие глаза, легкий пушок на скулах, серебряное колечко, поблескивающее в ухе. Следом подключается и звуковое сопровождение: скрежет стула, влажный звук поцелуя и тихое постанывание.

Поморщившись, я поправляю твердеющий член. И что теперь с этим делать? Как в школе передергивать?

Звук раздавшегося телефонного звонка в этот момент становится таким неожиданным, что я вздрагиваю. Все мои друзья успели привыкнуть к шестичасовой разнице во времени и едва ли стали бы звонить так поздно. Значит, остается один вариант. О себе решил напомнить отец.

– Да, Григорий Сергеевич, – с преувеличенным почтением произношу я, садясь на кровати. – Чему обязан в столь поздний для нашего захолустья час?

– Все шутки шутишь? – звучит как обычно недовольный голос. – Рад, что хоть кто-то в нашей семье пребывает в хорошем настроении. Ты билеты домой взял?

Уже в который раз жизнь намекает мне, что нужно быть осторожнее со своими желаниями. Хотел разыскать Ангела – разыскал на свою голову. Гадал, как избавиться от стояка – отцу всего парой фраз удалось вмиг его обезвредить. Он мог бы читать лекции в клубе анонимных сексоголиков, за секунды превращая их в импотентов.

– Нет, пока не взял. Но если ты соскучился – навещай. Кажется, здесь на балконе где-то лежит раскладушка.

– Ты когда прилетишь обратно? – бестактно проигнорировав мое щедрое предложение, рявкает отец. – Месяца вальяния дурака не хватило? Тебе в следующем году тридцать исполняется, а за тобой до сих пор, как за ребенком, нужно бегать.

– Очень хорошо, что ты вспомнил про мое скорое совершеннолетие, – все в той же издевательско-учливой манере

отвечаю я, делая вид, будто весь этот разговор не выводит меня из себя. – Хороший повод наконец перестать причинять родительскую заботу.

– Молодец. Язвить у тебя отлично получается. Не зря я деньги на твоё образование и бизнес-школы тратил.

Я машинально запускаю пальцы в волосы и дергаю их, чтобы болью отвлечься от растущего гнева. Каждый раз он говорит одно и то же. Неужели чего-то пооригинальнее не мог придумать? Например, напомнить, что благодаря его щедрости у меня есть крыша над головой и не приходится спать в переходе с бомжами. Хоть какое-то разнообразие.

– В Иркутске час ночи. Давай завтра продолжим наш увлекательный разговор.

– Алан! – грохочет отец, давай понять, что сворачивает этот бесполезный разговор. – В конце недели будь дома. Предстоит серьёзный разговор о твоём будущем. Отговорки не принимаются. Услышал меня? Все, маме трубку передаю.

Мне хочется наговорить ему вдогонку кучу слов, от которых его депутатское эго поежилось бы, и только раздавшийся в динамике голос матери меня останавливает.

– Алан, хороший мой. Как ты там? Я соскучилась. Ты когда домой собираешься?

– Привет, мам. – Я глубоко вдыхаю, перестраиваясь на благодатную волну. Если бы не она, мы с отцом, скорее всего, перестали бы общаться. Я бы так точно внес его номер в чёрный список. – У меня все хорошо, и я тоже соскучился.

Думал купить билеты в ближайшие пару дней.

– Ой, как хорошо! А то я вчера вашего Лелика видела в фитнес-клубе, так он спрашивал, когда ты вернешься.

– Лелик звонит мне чаще, чем кто-либо, и он точно в курсе всех моих перемещений, – усмехаюсь я. – Обещаю сказать тебе первой.

– Хорошо, – говорит она и понижает голос до еле различимого: – Папа очень злится, что ты не возвращаешься. Хочет о делах с тобой поговорить.

– Я в курсе, мам. – Встав с кровати, я подхожу к окну, второй раз за сутки жалея, что под рукой нет сигарет. Сейчас они бы помогли мне не так раздражаться. – Только у меня уже есть дело.

– Кто спорит, мой хороший? – ласково произносит она, копируя тон из детства, каким она общалась со мной шестилетним. – Ты уж не зли его, ладно? Приезжай. Знаешь же, что папа тебе только добра желает. Как-никак, ты его единственный сын.

Я нащупываю на подоконнике спичку и засовываю ее в рот. И пусть я сделаю все без оглядки на нескончаемые претензии отца, этот разговор все равно меня бесит. Потому и мать мало интересует то, чего хочу я. Даже в возрасте двадцати девяти лет при полной финансовой независимости мне по-прежнему отведена роль марионетки великого Волынского.

Ярослава

– Да что ж ты такой тяжелый-то, а? – ворчу я, безуспешно пытаюсь снять с ноги развалившегося Тотошку. – Аж лодыжка онемела от твоей тушки. Вот посажу тебя на диету из риса – будешь знать.

Зевнув, Тотошка поворачивается ко мне пузом и демонстрирует свои собачьи причиндалы во всей красе.

– Или кастрирую, – грозно добавляю я. – И переименую в Евнуха.

Сбросив с себя Тотошку и одеяло, я выпрыгиваю из кровати и шлепаю в сторону ванной. Почему-то жутко хочется пить. Неужели безалкогольное пиво так на меня действует? Всего-то полбутылки. Следом семенит Тотошка. За этого я его обожаю: за то, что жить без меня не может.

– И что ты так на меня пялишься? – шутливо огрызаюсь я, стаскивая пижамные шорты. – Тоже зад разглядываешь? Все вы, мужики, походу, одинаковые.

В ответ на это обвинение Тотошка без угрызений совести тыкается носом в сброшенное на пол белье и начинает его обнюхивать.

– Да ты извращенец еще похуже этого Алана, – фыркаю я, раздвигая створки душевой кабины. – Хотя может он тоже

таким балуется – кто его знает. С него станется.

Повернув рычаг смесителя, я с наслаждением подставляю голову под струю теплой воды и тут же досадливо морщусь от настойчивого стука. Баба Лида.

– Ты заперлась, что ли там? Вылезай скорее давай!

– А что такое? – выкрикиваю я, застыв с лужицей шампуня в ладони.

– А ты сама как думаешь-то? В туалет я хочу.

– А подождать никак? Мне всего-то минут десять нужно.

– Я и так три дня ждала. Доживешь до моих лет – узнаешь, что какое это великое событие – сходить посра...

– Все, все! – перебиваю я, поморщившись. – Сейчас выхожу.

Лязгая зубами от холода, я заворачиваюсь в полотенце и выпускаю бабу Лиду.

– И поросся этот тут как тут, – ворчит она, глядя на развалившегося у стиральной машины Тотошку. – Ты опять, что ли, домой под утро припорола? Чуть не пришибла этого козла, когда он ко мне на кровать запрыгнуть пытался.

– Почему сразу под утро? В час ночи где-то.

Баба Лида с подозрением щурится.

– Парня, что ли, себе завела?

– Еще чего! – огрызаюсь я, сгребая Тотошку с пола. – Ты меня из душа вытащила, чтобы допрос устроить?

– Ладно, не ори, – отмахивается она. – Иди лучше жрать. Я там кашу сварила.

Оставив бабу Лиду наедине с ее долгожданным событием, я прямо в полотенце выхожу на кухню и скептически заглядываю в кастрюлю, стоящую на плите. Сморщившись, закрываю крышку. Не буду я есть подгоревшую овсянку. Все-таки баба Лида совсем стала старенькой. Еще пару лет назад готовила так, что ум отъешь, а сейчас то не доварит, то пересолит, то сожжет.

Кашу я выбрасываю, а вместо нее делаю бутерброд с сыром и, устроившись на табуретке рядом с окном, принимаюсь жевать. Надо чуть попозже Инге позвонить, чтобы узнать, чем ее вечер закончился. Обычно она первой звонит ни свет ни заря, набрасываясь с расспросами: где была? кого видела?

Спит еще, что ли? Время-то начало одиннадцатого уже.

Вскочив как ошпаренная, я несусь в свою комнату за телефоном. Вот я тупица! А вдруг с ней случилось что-то? Это ведь совсем на нее не похоже: не начать пытаться, было ли у меня что-то с Аланом.

Вытряхнув на кровать нехитрое содержимое сумки, я хмурюсь: кошелек, ключи, гигиеническая помада, пара мятных карамелек, магазинный чек, упаковка влажных салфеток ... и все. Телефона нет.

По коже пробегает мороз. Когда я пользовалась им в последний раз? Кажется, это было в такси по дороге к дому Сноба. Беззвучно скулю. Блин, в мобильнике вся моя жизнь. Записная книжка, заметки, фотографии маленького Тотош-

ки... Да и сам телефон. Где взять денег на новый? И главное, нет ни единого шанса найти ту машину. Ее вызывал Алан, а номер я само собой не запомнила.

От досады я луплю себя по голове. Вот и расплата за то, что по ночам таскаюсь с незнакомыми парнями. Помимо той, что Сноб запросто мог меня изнасиловать.

От воспоминаний о поцелуе на кухне щеки внезапно пунцовеют, а в животе противно сводит. Узнай об этом баба Лида, стукнула бы меня своей клюкой. И правильно бы стукнула. Черт дернул меня к нему в гости напроситься, да еще и пальцем манить, и на ухо шептать. Как демон вселился, ей богу. Хорошо, что удрать успела.

Со вздохом опустившись на кровать, я разглядываю замысловатый узор ковра. Ну и что теперь делать? Даже позвонить никому не могу. В кармане последние две с половиной тысячи, а денег не приходится ждать еще недели полторы. У бабы Лиды занимать? Стыдно. Она же себе на похороны копит. Да-а-а. Попадос.

Резкая трель дверного звонка заставляет меня радостно встрепенуться. Наверняка это Инга примчалась, не дозвонившись. Слава богу. Вместе мы придумаем, как быть с телефоном. У нее на всякие авантюры мозг отлично заточен.

– Кого там черт с утра принес, – доносится ворчливый голос бабы Лиды в сопровождении шарканья тапок. – Подружайку, чай, твою вечно голодную.

Я выскакиваю прихожую вместе с Тотошкой как раз в тот

момент, когда она отпирает дверь, и при виде неожиданного гостя открываю рот. Это совсем не Инга.

– Яська, это кажись по твою душу, – скрипуче говорит баба Лида, оглядывая стоящего на пороге Сноба. – С ним ты, что ли, полночи шоркалась?

– А ты чего это... – от волнения и неожиданности я проглатываю слово «приперся» и, плотнее прижав полотенце к груди, таращусь на Алана.

– Ничего такой матросик, – комментирует баба Лида и следом шикает на крутящегося возле ее ног Тотошку. – А ну пошел отсюда, поросля блохастая! Гостей хозяйке распугаешь.

Следом доходит очередь и до меня:

– А ты чего застыла? Либо накинь чего-нибудь поприличнее, либо иди человека встречай.

– Извините, что без предупреждения, – спохватывается Сноб, которого видно тоже застала врасплох открывшаяся картина. – Ярослава вчера свой телефон забыла... – Запнувшись, он вопросительно смотрит на меня и лезет в карман. – Решил вернуть.

– Ты глянь, какой любезный. Хватит домой мух пускать. Заходи.

Сноб выглядит растерянным, но после короткой заминки проходит в прихожую и застывает возле обувницы.

– Мою чуйку не проведешь, – скрипит баба Лида, проходя мимо меня. – Так и знала, что ты хахалем обзавелась.

Опомнившись, я начинаю стремительно краснеть. Причины тому две: она назвала Алана моим хахалем, а из одежды на мне – зеленое полотенце в горошек. Чем не повод?

– Ты его у меня на столе оставила, – негромко поясняет Сноб, когда мы остаемся в прихожей одни. – Адрес у меня был, так что я решил привезти.

Секунду поразглядывав протянутый мобильный, я делаю осторожный шаг и дергаю его к себе. Второй рукой продолжаю придерживать полотенце – если не дай бог свалится, я себе этого никогда не прощу.

Первым делом пытаюсь разблокировать экран, чтобы проверить, все ли на месте, но остается черным.

– Сел, – сообщает Сноб. – Там тебе подруга раз сто звонила.

– Спасибо, – буркаю я и наконец решаюсь встретиться с ним взглядом.

Ой, ну что за отличник? Стоит тут гладко выбритый и по-модному одетый, пока я, даже не почистив зубы, прикрываюсь детским полотенцем. Судя по спортивной сумке, собрался на тренировку. В субботу с утра. Дважды отличник.

– Нормально вчера добралась?

От его вежливого тона и внимательного взгляда мне окончательно становится неловко. А когда мне неловко, я делаю то, что у меня получается лучше всего: язвлю и огрызаюсь.

– Ты имеешь в виду то, как я добралась, после того как ты чуть меня не изнасиловал, а потом выгнал?

Сноб дергает челюстью. То-то же. А то приехал весь такой невозмутимый.

– Я никого не собирался насиловать. И я тебя не выгонял,

а вызвал такси после того, как ты в очередной раз стала мне хамить.

Когда он бесится и не разглядывает меня, как музейный экспонат, проще вести себя естественнее. Ладно, не буду дальше его драконить. На самом деле он большой молодец, что не поленился вернуть телефон и не вышвырнул его в мусорку.

– Это с какой стороны посмотреть. Но все равно, спасибо тебе... – я взвешиваю мобильный на ладони. – Тут много важной информации...

– Чай человеку хоть предложи, хозяйка хренова, – раздастся недовольное ворчание бабы Лиды. – Чего ты его в коридоре морозишь.

– Смотри лучше свои новости! – рывкаю я, возмущенная вмешательством. – У тебя со слухом-то, смотрю, все в порядке, когда нужно.

Обернувшись, я вижу, что Сноб прячет улыбку.

– Чего ты смеешься?

– Теперь многое прояснилось.

– Что это многое? – с подозрением хмурюсь я.

– Просто. Многое.

Повисает тишина. Я переминаюсь с ноги на ногу, все больше ощущая неловкость. Ну и чего он не уходит? Ясно ведь, что на чай не позову. Во-первых, я все еще зла за то, что он полез ко мне в трусы, во-вторых, не хочу слушать комментарии бабы Лиды. А в-третьих, я жутко выгляжу, так что пусть

закроет дверь с той стороны и поскорее.

– Ты прогуляться не хочешь? – вдруг спрашивает он и добавляет: – Может, тебе с собакой нужно. Могу составить компанию.

От неожиданности такого предложения едва не случается страшное: дернувшись, я чуть не лишаюсь полотенца и лишь в последний момент успеваю удержать его на груди. Совсем он дурак, что ли? Ничем не пронять. Ни бабой Лидой, ни извительностью, ни спутанными волосами.

– Иди, дуреха, – долетает из гостиной ворчливый голос невидимого зрителя. – Или я сейчас подмоюсь и сама с ним пойду.

Я прикрываю рот рукой, чтобы заглушить рвущийся смех. Сноб, стоя напротив, тоже ржет. Даже покраснел от натуги. Да, баба Лида та еще клоунесса. Мы с ней часто хохочем, когда не ругаемся.

– Ладно, – говорю я, просмеявшись. – Тотошку правда пора выгуливать. Если не в лом – подожди внизу на скамейке. Мы скоро спустимся.

Алан

Вместо будильника этим утром меня разбудила незнакомая мелодия, доносящаяся с кухни, которая, как выяснилось чуть позже, исходила из мобильного Ярославы. Удивительно, но факт: уже во второй раз я думаю, что наша с ней встреча точно станет последней, и во второй раз ошибаюсь. Взяв в руки ее побитого жизнью «китайца», я понял, что должен его вернуть. Исключено, что она оставила его специально: судя по тому, с какой решительностью она сбегала, намерения видятся со мной еще раз у нее не было.

Отпнув носком кроссовки валяющуюся сигаретную пачку, я в очередной раз смотрю на подъездную дверь. Ну и где она? Уже минут двадцать прошло. Надеюсь, это не очередная издевка. Клянусь, если так оно и есть – найду местных умельцев и попрошу заколотить дверь в ее квартиру гвоздями, чтобы впредь так шутить неповадно было. Хотя там еще бабка есть, которая ни в чем не виновата. Она мне понравилась даже. Забавная. Ясно теперь, откуда у девчонки такая своеобразная речь. С такой родственницей за неделю нахватаешься.

Почему Ярославу прогуляться пригласил, я и сам не понял. Еще с утра злился на ее взбалмошность и хамство и

вдруг добровольно решил продлить собственные муки. Наверное, потому, что окончательно убедился, что ее ершистость – лишь следствие среды, в которой она существует, и еще потому, что она была невероятно милой в том смешном полотенце. Выбор досуга у меня все равно невелик: бассейн да тренировка, на которые я могу попасть в любое время. К тому же послезавтра я улетаю в Питер, и мы с Ярославой едва ли снова когда-либо увидимся. Так что от одной прогулки ничего не теряю.

– Тотоша, ты вроде мелкий такой, а прешь, как конь... – доносится звонкий голос из открытого подъезда.

Усмехнувшись, я поднимаюсь со скамейки. Моральная дилемма с заколачиванием подъездной двери, к счастью, решена. Ярослава не обманула.

– Я думала, ты уже ушел, – говорит она, отбросив со лба упавшие волосы. – Тотошкин ошейник все никак не могла найти. А он, оказывается, его в кровать притащил и там грыз. Куда пойдём?

Я пожимаю плечами.

– Думал, ты подскажешь. Можем доехать до парка и там где-нибудь кофе выпить.

– Не, – отмахивается Ярослава и указывает подбородком мне за плечо. – Пошли в ту сторону. Там небольшой сквер есть с лавочками. Кофе по пути возьмем в киоске.

– Я бы предпочел кофейню, потому что еще ничего не ел.

– Вот кому нужно было сгоревшую кашу бабы Лиды пред-

ложить, – моментально ерничает она. – Там по пути кафешка будет. Туда, если что, зайдем.

– А там нормально кормят? – осведомляюсь я на всякий случай.

– Откуда я знаю. Наверное.

Такой ответ меня не устраивает. Мне далеко не все равно, что и где я ем, тем более в месте, настолько далеко от привлекательности.

– А ты можешь порекомендовать какое-то заведение неподалеку? Проверенное?

– Нет у меня проверенных заведений, – отрезает Ярослава, устремляясь вперед за питомцем. – Я обычно дома ем.

Я не сразу нахожусь, что на это ответить. Один урок из этой поездки я точно вынес: личный круг общения формирует вакуум, за пределами которого существует совсем иная жизнь. То, что кажется привычным и естественным для меня, может быть чуждо для других. Полезное напоминание.

– А на свидания тебя куда обычно приглашают? – предпринимаю попытку зайти с другой сторону.

Одернув поводок, Ярослава поворачивается и щурит глаза, которые из-за падающих на них солнечных лучей сейчас кажутся золотисто-медовыми.

– С чего ты взял, что меня приглашают на свидания?

– Наверное, потому что ты красивая молодая девушка. Кого, если не таких, как ты, приглашать на свидания.

– Считаешь меня красивой, Сноб? – сильнее щурится она,

раздвигая губы лукавой улыбке.

– Да, считаю, – честно признаюсь я. – Но помимо этого я считаю тебя ужасно невоспитанной. Хотя бы потому, что ты в лицо называешь меня Сноб.

– Тебе бы хотелось, чтобы я делала это за глаза?

– Я бы предпочел, чтобы ты называла меня по имени и никак иначе.

– А если я захочу назвать тебя «пупсик» или «малыш»?

– Я резко против.

– Ла-а-адно, – миролюбиво тянет она, по-приятельски ткнув меня локтем. – На этой прогулке постараюсь быть милой. Ты, в конце концов, вернул мне телефон.

Какое-то время мы идем молча. Я смотрю на вертлявую задницу мопса, семенящего впереди нас, и думаю, что ничего более странного в жизни со мной еще не случилось. Я прыгал с башни Макао, накуривался в кофе-шопе Амстердама, на спор поднимался на Эльбрус, пил виски в гримерке Мика Джаггера, но эта поездка оказалась полным разрывом шаблонов. Добровольно приехал в жопу мира, две недели сплю на ужасной кровати, схлопотал по морде и был обвинен в изнасиловании той, чью собаку сейчас выгуливаю.

– Ты с бабушкой живешь, я так понимаю? А родители где?

– Папа вроде в Ростове живет, а мама не знаю, – отвечает Ярослава через паузу.

Я не тороплюсь со следующим вопросом, давая себе время обдумать услышанное. С матерью допустим понятно, но

что означат «вроде живет в Ростове»? То есть она не знает точно? Оба родителя, не сговариваясь, бросили дочь?

– И давно ты с ними не виделась?

– Лет с семи или восьми, наверное. Меня бабушка растила. Кстати, не вздумай при ней ляпнуть, что я невоспитанная. Получишь клюкой. И ты же вроде уехать хотел. Купил билеты?

– Да, – отвечаю я, пораженный не столько фактом того, что ребенком ее бросили оба родителя, сколько ее расслабленным, без признаков боли или обиды тоном. – Купил на послезавтра.

– Ясно. А долго лететь? Я в Питере ни разу не была.

– Столько же, сколько до Москвы.

– Я и в Москве не была, – тихо смеется она. – Я вообще нигде не была, кроме Иркутска.

Вроде бы обычное дело: ну не была она нигде и не была. Многие не были... Наверное. Но на меня эта новость почему-то производит неизгладимое впечатление. Ярослава всего на семь лет младше меня, но ничего не видела, кроме этого пыльного города. Этой красивой и, в общем-то, неглупой девчонке невдомек, какой необъятный удивительный мир существует за его пределами. Может быть, в этом и заключается причина нашей встречи? Ведь должен же быть в этих снах какой-то смысл. В долго и счастливо с такой, как она, я не верю, так, может быть, суть том, чтобы я ей помог?

И как и в случае с приглашением на прогулку, следую-

щие слова вылетают из меня сами собой. Чуть позже я оправдаю этот порыв приступом альтруизма, хотя внутренний голос справедливо назовёт это дебилизмом чистой воды.

– Полетели со мной в Питер. Хочешь? Отель и билеты я оплачу.

Ярослава

От неожиданности я так резко останавливаюсь, что пугаю Тотошку, и тот, обернувшись, смотрит на меня с непониманием и осуждением. Я в свою очередь разглядываю Сноба. Он готов оплатить мне билеты в Питер? Совсем дурной?

А потом понимаю: он пошутил. Нет, он конечно парень со странностями, но это... Кто в здравом уме захочет оплатить поездку незнакомому человеку, который по его же собственному утверждению, постоянно хамит?

– Не смешно, – фыркаю я как можно снисходительнее, чтобы не подумал, что я повелась на этот прикол.

– Я не шучу, – отвечает Сноб. – Если хочешь – полетели вместе. В качестве компенсации за вчерашний вечер, я оплачу билеты в обе стороны и на неделю сниму тебе отель.

Из-под ребер к горлу поднимается что-то теплое и покалывающее, отчего даже сердце начинает биться чаще. Питер. В десятом классе мои одноклассники летали туда на экскурсию: гуляли по Петергофу, фотографировались в музее Эрмитажа и посетили Кунсткамеру. Я не смогла полететь, потому что баба Лида потратила последние деньги на новый холодильник.

– Ненормальный, – буркаю я, ускоряя шаг. – Ищи другую

дуру.

– Ты почему так реагируешь? – раздраженно рявкает Сноб, лоя меня за руку. – Я предложил из самых лучших побуждений, а ты меня снова обозвала.

– Пусти! – Я выдираю свое запястье, всячески избегая на него смотреть. Со мной творится что-то странное: щеки окатывает жаром, жжет глаза. Когда я не знаю, как реагировать, то говорю что-то грубое, как сейчас.

– Что с тобой, Ярослава? – уже спокойнее спрашивает он, останавливаясь. – Я не держу тебя за дуру и не пытаюсь обмануть. Когда ты сказала, что нигде не была, я захотел это исправить. Могу себе позволить.

– Зачем тебе это? – огрызаюсь я. – Я тебе никто.

– Ну как же, – в его голосе появляются шуточные ноты. – Между нами тесная связь: я поставил тебе синяк, купил выпить и за это схлопотал по физиономии. А еще ты была у меня дома, и мы целовались.

Поморщившись, я закатываю глаза.

– Не напоминай.

– Ладно, – быстро соглашается Сноб. – Приставать я к тебе не буду, можешь по этому поводу не переживать. Если захочешь – проведу тебе небольшую экскурсию по городу, если нет – будешь гулять сама по себе.

Во рту появляется металлический вкус. Я когда нервничаю или сильно задумаюсь – кусаю изнутри щеку до крови. Зачем он мне все это рассказывает? Как будто всерьез рас-

считывает, что я поеду. Если даже предположить, что я поверила в его чистые намерения, я все равно не оставлю Тотошку и бабу Лиду. Она точно его тапком прибьет.

От этих мыслей появляется раздражение на Сноба. Жила себе спокойно, он тут он появляется с нелепыми предложениями.

– Слушай, я обратно пойду, – говорю я, начиная смаывать Тотошкин поводок. – Мопсам по жаре долго гулять нельзя. Кафе будет метров через сто с левой стороны. Увидишь.

Сноб шумно выдыхает, давая понять, что я его бешу. Ну и ладно, он тоже меня бесит, так что мы квиты. Пусть поскорее уезжает в свой Питер и познает дзен.

Не дожидаясь, пока он предъявит ко мне новые претензии, я разворачиваюсь и иду в сторону дома. Тотошка недовольно семенит рядом. Вообще-то он любит гулять в любую погоду. Проблема в том, что в такую жару он быстро устает, плюхается на асфальт в теньке и все, не сдвинешь, дальше только нести на руках. Поэтому далеко гулять с ним опасно: все-таки весит он почти десять килограммов.

– Ну и куда ты побежала? – догоняет меня голос Сноба. – Впервые встречаю такую несговорчивую.

– Если я несговорчивая, то для чего ты за мной идешь? – язвлю я, почему-то испытывая радость оттого, что он пошел за мной.

– Провожая, чтобы твоя бабушка не думала обо мне пло-

хо.

Я молча пожимаю плечами. Хочет – пусть идет. Мне-то что?

– У тебя есть время подумать до завтра. Если надумаешь полететь – позвонишь. И повторюсь – тебя это ни к чему не обязывает.

Я продолжаю молчать. Не знаю, что ему ответить, а грубить совсем не хочется. Сноб как будто действительно хороший парень, хоть и с прибабахом.

* * *

– Подниматься не буду, хоть ты и не приглашала, – улыбаются Сноб, остановившись возле моего подъезда. – Бабушке привет передавай. Если бы я задержался здесь подольше, то обязательно пригласил бы ее на прогулку. Даже не подмышкую.

Не выдержав, я хихикаю. Все-таки в чувстве юмора ему не откажешь, хоть он и сноб.

– Номер мой запиши, – добавляет он с особой теплой интонацией, от которой даже отказываться и спорить не хочется. Мы с ним, скорее всего, видимся в последний раз, так что пусть он запомнит меня не только как ту, кто постоянно ему хамила.

Я шарю по карманам, а потом вспоминаю, что телефона с собой у меня нет. Остался на зарядке.

– Мне некуда, – развожу руками.

– Тогда свой продиктуй, – не сдается Сноб. – Я тебе прозвон сделаю.

Я шутливо закатываю глаза и называю ему нужные цифры. Ну надо же, до чего упрямый. Можно даже подумать, будто в меня влюбился.

– Ладно, я пойду, – киваю себе за плечо. – Извини, если что-то было не так. Я не со зла. Просто характер вспылчивый.

– Да, я уже понял.

Я затаиваю дыхание оттого, как задумчиво он на меня смотрит в этот момент. Внизу живота становится тесно и одновременно щекотно, когда его взгляд как бы невзначай останавливается на моих губах, а потом поднимается по скуле.

– Ладно, я пойду, – напряженно повторяю я и, развернувшись, избегаю вверх по ступенькам.

С каждым новой секундой в груди становится все неудобнее, а к моменту, когда я подхожу в квартирной двери и вставляю ключ, и вовсе близка к тому, чтобы заплакать.

«Да что с тобой такое?» – шикаю на себя, смахивая выкатившуюся слезу. Я правда не понимаю, что происходит. Плачу я редко – и обычно только при виде бездомных животных. Исключено, что это из-за Сноба. Я видела его всего пару раз, чтобы вдруг привязаться.

– Ты чего так быстро? – доносится из гостиной скрипучий

голос бабы Лиды. – Я думала, раньше полуночи не вернешься.

– С чего бы это? – как можно бодрее выкрикиваю я, стаскивая с ног кроссовки. У нее чуйка, как у ищейки – вмиг что-то не то заподозрит.

– Я думала, вы шоркаться поедете. Дело-то молодое.

– Вот ты заладила – шоркаться да шоркаться. Погуляли, да он домой ушел. И не думай, что Сноб мой парень. Послезавтра он в Питер уезжает.

– И чего, тебя с собой не звал?

Говорю же, нюх у бабы Лиды как у ищейки. Вот откуда она это взяла?

– Звал, – признаюсь я, заходя в гостиную. – Предложил билеты оплатить и гостиницу снять.

Баба Лида нащупывает пульт и убавляет громкость.

– А ты чего сказала?

– А чего я? Отказалась, конечно.

– Езжай, дура! – рывкает она так громко, что я и Тотошка подпрыгиваем с перепугу. – Такой матросик в наши края заплыл, а ты клювом щелкаешь. Было бы мне лет на сорок поменьше, я бы уже баул собирала.

– И как же, интересно, я тебя оставляю? – рывкаю я, крайне уязвленная тем, что она так легко меня выгоняет.

– А чего я? Беспомощная? Пиздуй давай – хоть отдохну от тебя маленько.

Я растерянно моргаю, не в силах поверить услышанному.

Была уверена, что баба Лида уж точно не одобрит такую поездку.

– Вот так запросто меня с первым встречным отправляешь? – обиженно переспрашиваю я.

– Ой, да ладно придуряться-то, – отмахивается она, неловко подтыкая под спину подушку. – Ты и так целыми днями неизвестно где и с кем шарахаешься. Тут-то хоть Ленинград посмотришь. Помнишь, как у себя в комнате выла из-за того, что с классом поехать не смогла? А я помню. Езжай давай. Матрос котенка не обидит.

Алан

– Да, мам... Да... – монотонно повторяю я, расхаживая вокруг раскрытого чемодана. Звонок застал меня в процессе сборов. – Завтра вечером прилетаю. Нет, встречать не нужно. Зачем? Такси вызову или Лелика попрошу забрать. Ему все равно заняться нечем.

Пообещав заехать к родителям в самое ближайшее время, я вешаю трубку и опускаюсь на диван, моментально отрывающимся скрипом пружин. Усмехнувшись, я по-приятельски похлопываю его по обшивке. Спасибо, что составил мне компанию, дружок. Надеюсь, больше не увидимся.

Самолет отбывает завтра в полдень. Можно в последний раз поплавать в бассейне, а после пораньше лечь спать. Жизнь возвращается в приличное русло: завтраки в «Кордо», пробки на Невском, работа, встречи с друзьями в «Бирдоте» по вечерам. Я пытаюсь нащупать внутри себя хотя бы толику радости от этого факта, но не ощущаю ничего, даже удовлетворения. Привык к местному колориту? Вряд ли. Я люблю комфорт, а здесь я не сумел его добиться. Наверное, просто «пересидел». И уж едва ли дело в том, что Ярослава не приняла мое щедрое предложение. Этому однозначно стоит радоваться. Я сделал то, что посчитал нужным, она от-

казалась, избавив меня от лишних головняков. Ясно ведь, что покупкой билетов и арендой отеля не ограничилось, и мне бы непременно пришлось проводить с ней время. Если девчонка нигде не в своей жизни не была, то наверняка рас-
теряется.

Убедившись, что удачно сбросил с шеи ненужное ярмо, я встаю с намерением продолжить паковать вещи, и ненароком бросаю взгляд на еще не потухший экран телефона. На нем горит непрочитанное сообщение – очевидно пришло, пока я разговаривал с матерью. Пульс невольно начинает частить, когда я вижу имя отправителя. Ярославла.

«В общем, я готова поехать. Но если ты передумал – ничего страшного. Я не так чтобы так сильно хочу».

Я перечитываю это сообщение дважды и невольно представляю, с каким лицом она его писала: нахмурившись и кусая губу. *Не так чтобы сильно хочу.* Забавная. В том, что ей хотелось увидеть Питер, я не сомневаюсь. Я когда упомянул про поездку, у нее такое выражение лица было: словно к ребенку за руку подвели Капитана Джека Воробья. Трепет и неверие. Я поэтому ее провожать пошел, даже несмотря на то, что она снова огрызалась. Потому что за грубостью отчетливо разглядел уязвимость.

«Я не передумал. Сейчас забронирую билеты. Вылет в двенадцать дня, и не забудь взять паспорт. Заеду за тобой в десять».

И немного подумав, допечатываю:

«Надеюсь, это не шутка».

Отправив сообщение, я откладываю телефон в сторону и вновь смотрю на чемодан. Ладони нагрелись и вибрируют от всплеска энергии. Апатию как рукой сняло, но я отказываюсь верить, что причина этому – согласие Ярославы. Это реакция на новое событие, которое в ближайшее время будет держать меня в тонусе. Зная ее, можно не сомневаться, что так оно и будет.

«Хорошо. Зонт нужно брать? Я посмотрела погоду: дождей вроде нет, но мало ли... Это же Санкт-Петербург. И ничего это не шутка. Меня баба Лида уговорила лететь. Понравился ты ей».

Когда я печатаю ей ответ, то невольно улыбаюсь. Когда она не хамит и не язвит, то вполне себе милая и забавная.

«Бабушке передавай привет. Нет, не надо никаких зонтов. Бери удобные вещи для прогулок и кроссовки. Можешь взять что-нибудь нарядное, если захочешь выйти потанцевать».

Я машинально представляю реакцию нашей компании, если я приведу с собой Ярославу, и она в своем стиле срежет шутки Лелика или попросит стакан фильтрованной воды. Удивятся, это точно. Но впрочем, едва ли стоит об этом думать сейчас. На месте разберемся.

– Страшно? – с улыбкой переспрашиваю я, когда самолет готовится опустить шасси на взлетную полосу. – Я в первый раз тоже боялся.

Ничего не ответив, Ярослава заглядывает в иллюминатор, кусает губы и, зажмурившись, быстро отворачивается. Вообще, она молодец. В аэропорту она оказалась впервые, но вела себя достойно: не была напряженной или испуганной, но при этом не пыталась играть в фальшивую уверенность. Просто делала то, что я говорю, чем сильно облегчила мне задачу. Это ведь и мой первый опыт – взять на себя ответственность за малознакомого человека.

Гул в самолете усиливается, сигнализируя о скором приземлении. Ярослава жмурится сильнее, и тогда я совершаю еще одну спонтанность, в которых за последнее время сильно преуспел: нахожу ее заледеневшие пальцы на подлокотнике и сжимаю. Без всякого двойного смысла: просто чтобы помочь ей успокоиться. Дернувшись, она опускает взгляд наши ладони и, слегка кивнув в знак благодарности, прижимается затылком к креслу.

Я отпускаю ее руку сразу после того, как самолет останавливается, с удовлетворением отмечая, что она согрелась. За шесть часов полета я на удивление успел проникнуться ролью опекуна.

– Ну, вот мы и в Питере, – подмигиваю ей, чтобы подбодрить. – Поздравляю с твоим первым путешествием. Готова к приключениям?

Новая обстановка действует на Ярославу исключительно благотворно, потому что вместо привычной остроты, она лишь кивает.

– Да, готова. Авиарежим уже можно выключить? Мне нужно бабе Лиде позвонить.

– Я забронировал тебе отель неподалеку от моего дома, – рассказываю я Ярославе по пути к выходу из аэропорта. – Добротные четыре звезды с хорошим рейтингом. Не «Метрополь», конечно, но все необходимое имеется. Я там сам останавливался, когда у меня света не было. Завтраки включены, на выбор есть ванная и душевая, фитнес-зал кстати неплохой...

– Я не хожу в спортзал, – замечает Ярослав, ставшая до странности притихшей. – Мне там скучно.

Я невольно кошусь на ее стройные ноги, выглядывающие из-под джинсовых шорт и загорелую полоску живота. Это у нее от природы такая фигура? Похвально. Я был уверен, что такой зад она себе наприседала.

Мне не сразу удастся вспомнить, о чем я собирался сказать дальше. Внезапно нахлынули воспоминания о нашем «контакте» на кухне. Сколько у меня не было секса? Недели три? Пора срочно это исправить. Я ведь как раз думал позвонить Жене.

– В отель заедем вместе. Хочу убедиться, что ты нормально устроилась. И вот еще...

Остановившись, я лезу в карман за кошельком.

– Возьми. Тебе понадобятся, чтобы передвигаться на такси и питаться...

Ярослава несколько секунд смотрит на протянутые пяти-тысячные купюры, а потом поднимает разгневанный взгляд на меня. Тогда я и понимаю, что рано обрадовался ее внезапной покладистости. Рано.

– Не возьму! Я что, по-твоему, бомжиха какая-то? Что еще сделаешь? Шмотки мне покупать начнешь? Совсем сбрендил...

Вообще-то про покупку вещей для нее я действительно подумал. По крайней мере, в случае, если решу взять ее собой на тусовку. И не потому, что мне неудобно за то, как она выглядит. Что-что, а выглядит она на удивление прекрасно в любом прикиде. Скорее для того, чтобы ей самой было комфортно. Все же местные клубы – это далеко не Иркутск.

– Причем тут бомжиха, Ярослава? – я стараюсь говорить как можно мягче, чтобы не потерять установившийся контакт между нами. – Просто не хочу волноваться за тебя. В каком-то смысле ты моя гостья, поэтому я чувствую ответственность...

– Не надо, – отрезает она. – У меня есть деньги. На неделю проживания хватит.

Поняв, что спорить с ней бессмысленно, я запикиваю купюры обратно в кошелек. Чайка, блин. Смешно вспомнить. И где же она планирует питаться со своими накоплениями? Кухни в ее номере не предусмотрено. Шаурму в ларьках покупать? Надо по пути в «Матео» вместе заехать поужинать. А как быть завтра, решим.

– Я пить хочу, – неожиданно говорит она, глядя себе под ноги. – Где можно воды купить, так, чтобы недорого? Я посмотрела – здесь кругом цены втридорога.

Мне хочется сказать ей, что сто рублей за бутылку воды в вендинговом аппарате – ерунда в сравнении с тем, сколько она будет стоить в том же «Маттео», но вовремя останавливаюсь. Это для меня ерунда, но не для девчонки из северного городка, воспитанной бабушкой и брошенной идиотами-родителями.

– Я тоже пить хочу. Сейчас куплю. А ты чего в самолете скромничала, когда напитки разносили?

– Я не скромничала, а выпила один стакан.

Я невольно улыбаюсь. Один стакан она выпила. Смешная.

– Могла еще один попросить, если хотелось. Это не возбраняется.

Ярослава предпочитает отмолчаться, и только ее пальцы, теребящие края футболки, говорят о том, что она смущается.

– Жди здесь, – командуя я, передавая ей ручку своего чемодана. – Сейчас вернусь.

Оплатив две бутылки воды, я собираюсь вернуться к ней, но вместо длинных загорелых ног, обутых в голубые «конверсы», взгляд падает знакомую фигуру, облаченную в серый костюм. Внутренний голос раздраженно рявкает «Какого хера?».

Посреди зала аэропорта и всего в нескольких метрах от

Ярославы стоит отец собственной персоной. Вид недовольный, как и всегда – будто весь мир задался целью его раздражать. Чуть поодаль возвышается охрана – куда же без них?

Я бы и рад думать, что приехал Георгий Сергеевич ради встречи кого-то более именитого, но, судя по требовательному взгляду, он по обыкновению наплевал на мой вчерашний разговор с матерью и решил лично препроводить меня в родительское гнездо.

Заметив, что я смотрю поверх ее головы, Ярослава встревоженно озирается. Ей действительно не позавидуешь. Через каких-то пару секунд ей придется познакомиться с моим отцом.

Я поднимаю руку, давай понять, что его заметил, и быстро иду к ней. Нужно предупредить, чтобы не сильно удивлялась.

– Здесь мой отец. Решил устроить сюрприз, – успеваю шепнуть я до того, как он и его депутатская свита приблизятся, и говорю уже громче, с иронией. – Здравствуйте, Георгий Сергеевич. Какая неожиданная встреча. Вы здесь по делам семейным или государственной важности?

Отец недовольно кривит лицо, давая понять, что не приветствует мои остроты и, молча пожав протянутую руку, поворачивается к Ярославе.

– Это моя подруга из Иркутска... – представляю ее я и невольно обрываюсь, когда замечаю ее стремительно бледнеющее лицо. Я далеко не физиономист, но то, что я на нем

вижу, уж слишком напоминает самый настоящий ужас.

– С тобой все нормально? Или душно? – называю первую пришедшую в голову причину такой реакции. – Это мой отец, Георгий Сергеевич. Решил устроить сюрприз и встретить меня без предупреждения.

Ярослава кивает и еле слышно выдавливает из себя «здравствуйте». Она все еще выглядит потерянной, но, по крайней мере, уже не белой, как полотно.

Отец смеривает ее оценивающим взглядом с ног до головы и, ничего не ответив на приветствие, кивает на раздвижные двери выхода.

– Пойдем. Если планы есть – отмени. Мама ужин приготовила.

Казалось бы, три недели – достаточный срок, чтобы отдохнуть душой и не реагировать на его замашки самодержца так остро. Но нет же: под кожей гуляет тот же зуд, что в тот день, когда я покидал родные пенаты. У отца есть потрясающее свойство вызывать во мне неконтролируемую злость и бессилие. Он прекрасно знает, что я не сцеплюсь с ним посреди зала аэропорта, да еще и при Ярославе. Слишком он, блядь, меня хорошо воспитал.

– Как ты смотришь на папино предложение? – заштукатурив злость безмятежной улыбкой, я приобнимаю Ярославу за плечи. – Я все равно хотел пригласить тебя куда-нибудь на

ужин. А мама, вернее, ее домработница прекрасно готовят.

Разыгрывая этот спектакль, я сильно рискую с учетом взрывного характера Ярославы. Это хорошо воспитанные снобы, вроде нас с отцом, могут внешне соблюдать приличия, втайне желая друг друга убить. Она такими рамками не скованна. Если захочет убить – просто постарается это сделать.

– А как же отель? – переспрашивает она с запинкой.

Если бы я не был так сильно занят борьбой с гневом, то наверняка испытал стыд за то, что ввязываю ее в это. Она ведь даже не подозревает, через что ей придется пройти за ужином с четой Волынских. Сам бы я добровольно на такое не подписался. Но если ей вдруг захочется разбомбить французский сервиз матери – я не стану ей мешать.

– Успеем, – подмигиваю ей я, отмечая психическую волну, исходящую от отца.

Он, разумеется, с первых секунд скалькулировал в голове всю ее жизнь и навесил ярлык «не годна». И это главная причина, почему я пригласил ее поехать на ужин. Чтобы в тысячный раз дать понять, что не ему решать.

– Ну ладно, – неуверенно говорит Ярослава, подтягивая к себе чемодан. – Поехали.

Пусть моей целью и является эпатировать отца, но я все равно испытываю странное удовлетворение, когда она без толики удивления или восторга садится в ожидающий у входа «Майбах». Будто ездила на таком всю жизнь.

Хотя дело в другом, конечно. Она понятия не имеет, сколько стоит эта бронированная тачка, и ей плевать. Чувствую, веселая выдастся поездка. Особенно меня радует то, как кривится лицо отца, привыкшего сидеть на заднем диване. Он терпеть не может ездить впереди – не по чину.

– Ты как? – тихо спрашиваю я, оценивая состояние своей спутницы. Полчаса в северной столице, а уже столько потрясений.

– Нормально, – кивает она, теребя бахрому на своих шортах. – Это точно нормально, что я еду?

– Точно, – подтверждаю я и наклоняюсь к ней ближе, одновременно ловя наблюдающий взгляд отца в зеркале козырька. – Не бойся его. Он, конечно, депутат, но не такой страшный.

– Твой отец депутат? – шепотом, но без какого-либо трепета или удивления переспрашивает Ярослава.

Я чувствую озадаченность. То есть, не в этом было дело? Я думал, она его узнала – все-таки его надменное лицо часто мелькает в новостях, – и потому побледнела.

– Мне просто показалось, что ты его узнала.

Помотав головой, Ярослава сосредоточенно хмурит лоб, будто размышляет о чем-то.

– Что? – переспрашиваю я, начиная теряться в догадках.

– Если я скажу, то ты назовешь меня дурой.

– Обзывать – не мой стиль, если не заметила. Говори.

В течение нескольких секунд она поглаживает бахрому на

шортах, а потом, словно решившись, тянется к моему уху. От ее теплого дыхания, несмотря на присутствие третьих лиц, резко твердеет в паху.

– Мне в детстве снился один сон... – быстро тараторит Ярослава. – Давно, правда. Я после него просыпалась и долго плакала... И спать одна боялась. В общем, меня хотели убить. А человек, который этот делал, выглядел точь в точь как твой отец... Дурдом, да?

– Здра-а-авствуй, мой милый! Наконец-то ты дома.

Мать, как всегда надушенная и одетая так, будто в ближайший час ее ждут на ужин к президенту, встречает нас у дверей.

Высвободившись из ее объятий, я кивком приветствую Жанну, домработницу. Встреча предполагалась более трепетной, но Ярослава со своими детскими кошмарами спутала мои планы. Ее рассказ в машине настолько меня поразил в самом хреновом смысле, что я буквально ни о чем думать не могу. Я бы и не придал значению ее словам о сходстве отца с мужиком из сновидений, списав это на забавное совпадение или вымысел, если бы сам не видел дурацкие сны о реально существующих местах и людях.

– Здравствуйте! – звонко раздается из-за моего плеча. – Меня зовут Ярослава. Можно просто Яс.

Выражение недоумения, появившееся на лице матери в этот момент, бесценно. За время поездки сюда Ярослава успела окончательно прийти в себя и, кажется, готова покорять окружающих своей непосредственностью.

– Здравствуйте, – натянуто произносит мама, медленно скользя взглядом по моей спутнице и особенно задерживаясь на ее белых носках. – Вы, я так понимаю, знакомая Алана.

Ох уж этот домашний очаг и добрые семейные традиции. Я по вам скучал.

Если бы мама смогла подобрать слово, которое лучше подчеркнет социальную дистанцию, Ярослава не удостоилась бы даже этого безликого «знакомая». Настолько сильно ей не хочется верить в то, что я и она связаны чем-то большим, чем просто нелепой случайностью.

– Яся моя хорошая подруга, – с удовольствием выговариваю я, заново включаясь в игру, о которой забыл. – Извини... – ласково поглаживаю Ярославу по плечу. – Яс. Все время забываю, что ты не любишь.

Мне даже самому смешно, как правдоподобно все выходит, и вдвойне смешно от неподдельного смятения в глазах мамы. Если даже Женя, учащаяся в МГИМО, была, по их с отцом мнению, недостойной для меня партией, могу представить, что происходит в ее голове сейчас.

– Давайте в дом пройдем, – недовольно гудит отец, зашедший за нами следом. – Жанна пусть приборы достанет госте.

Эта его привычка отдавать распоряжения домработнице исключительно через третьих лиц меня тоже дико злит. Вот же она, рядом стоит. Будто его депутатская неприкосновенность пошатнется от того, что он обратится к ней лично.

– Жанна, поставь на стол дополнительные приборы, – повторяет мать, переключаясь на привычный тон гостеприимной хозяйки дома. – Ты голодный, наверное, да? – гладит ме-

ня по руке. – У нас сегодня рыба. Папа снова мясо не ест.

– Пойдем. – Я машинально приобнимаю Ярославу за талию, чтобы поддержать в предстоящем непростом деле – высиживать ужин с отцом, который, в довесок к своему и без того скверному характеру, сел на диету. – Ты к рыбе как относишься?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.